НОВИЦКИЙ И.Я.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОИНЖЕНЕРИЯ

Онтология, методология и инженерия психики социума в цифровую эпоху

Игорь Новицкий

Социальная психоинженерия: онтология, методология и инженерия психики социума в цифровую эпоху

«Автор»
2026

Новицкий И. Я.

Социальная психоинженерия: онтология, методология и инженерия психики социума в цифровую эпоху / И. Я. Новицкий — «Автор», 2026

Первая монография, формирующая основания новой дисциплины, которая объединяет психиатрию, психологию, социологию, философию и современные технологии анализа данных. В книге предлагается целостная онтология и методология исследования психики социума — как автономной, надындивидуальной, динамической системы, подверженной воздействиям нарративов, цифровых сред и алгоритмических процессов.Автор вводит аппарат понятий, позволяющий описывать социальную психику с точностью инженерной дисциплины: от психических полей и коллективной идентичности до меметических структур и алгоритмических агентов. Монография раскрывает структуру, уровни и механизмы функционирования социально-психической системы, исследует риски, патологии и точки уязвимости современных обществ, а также освобождает читателя от устаревших моделей XX века, заменяя их аналитическим подходом XXI столетия.

© Новицкий И. Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 5
ОТДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ 9
ГЛАВА 1. Кризис гуманитарного знания в эпоху цифровых обществ 9
1.1. Фрагментация психологического и социального знания 9
1.2. Научная беспомощность перед массовыми процессами 12
1.3. Иллюзия управления обществом в XX веке 16
1.4. Почему старые дисциплины не справляются 19
ГЛАВА 2. Социальная психика как реальность 23
2.1. Понятие социальной психики 23
2.2. Социальная психика и индивидуальное сознание 26
2.3. Надындивидуальные психические образования 29
2.4. Общество как психическая система 32
ГЛАВА 3. Онтология социальной психоинженерии 36
3.1. Что существует в социально-психической реальности 36
3.2. Психические поля, напряжения и динамика 39
3.3. Время, память и травма социума 42
3.4. Психическая энергия общества 46
ОТДЕЛ II. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И АКСИОМАТИКА 49
ГЛАВА 4. Базовые понятия социальной психоинженерии 49
4.1. Социальный субъект 49
4.2. Коллективная идентичность 52
4.3. Нарратив как психическая структура 54
4.4. Мем как элементарная единица социальной психики 55
4.5. Алгоритм как внешний психический агент 58
ГЛАВА 5. Аксиомы и законы социальной психоинженерии 62
5.1. Аксиома социальной психической системности 62
5.3. Закон нелинейных эффектов 68
5.5. Закон психической инерции общества 76
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Игорь Новицкий
Социальная психоинженерия: онтология, методология и инженерия психики социума в цифровую эпоху

ВВЕДЕНИЕ

Социальная психоинженерия как необходимость XXI века

Начало XXI века ознаменовалось не просто ускорением социальных процессов, но качественным изменением самой природы человеческого общества. Цифровые коммуникации, глобальные сети, алгоритмическое посредничество, а затем и появление искусственного интеллекта как автономного когнитивного агента радикально трансформировали способы мышления, поведения, идентификации и взаимодействия людей. Эти изменения затронули не только внешние социальные формы — политические институты, экономические модели или информационные потоки, но и глубинные структуры психической жизни человека и общества в целом. В условиях данной трансформации стало очевидно, что существующие гуманитарные и социальные науки, сформировавшиеся в иную историческую эпоху, сталкиваются с фундаментальными ограничениями в объяснении, прогнозировании и тем более управлении современными социально-психическими процессами [1].

Классическая психология изначально была ориентирована на индивидуального субъекта, его сознание, поведение и внутренний опыт. Социология, напротив, сосредоточивалась на макроструктурах, социальных институтах и статистически усреднённых закономерностях. Между этими уровнями на протяжении десятилетий сохранялся методологический разрыв, который лишь частично заполнялся социальной психологией. Однако даже социальная психология, несмотря на свою междисциплинарную природу, в основном оставалась описательной дисциплиной, не обладающей инструментарием для системного проектирования и инженерного вмешательства в сложные социально-психические системы [2].

Современное общество вступило в фазу, в которой стихийность социальных процессов сочетается с беспрецедентной технологической управляемостью. Массовые эмоции, коллективные страхи, идентичности и нарративы формируются и распространяются с такой скоростью и масштабом, которые ранее были невозможны. При этом управление этими процессами чаще всего осуществляется фрагментарно, эмпирически, без единой научной онтологии и без осознания долгосрочных психических последствий для общества. Именно в этом противоречии — между возросшей мощностью воздействия и отсутствием системного научного основания — и возникает объективная необходимость в формировании новой дисциплины, которую в настоящей монографии предлагается обозначить как социальную психоинженерию.

Социальная психоинженерия не является продолжением или расширением существующих гуманитарных наук в их традиционном понимании. Она представляет собой принципиально иной уровень научного мышления, ориентированный не только на описание и интерпретацию социальной реальности, но и на её осознанное проектирование с учётом психической природы человека и надындивидуальных психических образований. Подобно тому как инженерные науки опираются на физические и математические законы, социальная психоинжене-

рия предполагает опору на формализуемые психические закономерности, действующие в пространстве социума [3].

Предпосылки появления новой дисциплины

Исторические предпосылки появления социальной психоинженерии связаны с несколькими взаимосвязанными процессами. Во-первых, это накопление эмпирических данных о массовом поведении людей, ставшее возможным благодаря цифровым технологиям. Социальные сети, поисковые системы, мобильные устройства и цифровые платформы создали беспрецедентный массив данных о когнитивных, эмоциональных и поведенческих паттернах миллиардов людей. Эти данные впервые позволили наблюдать социальную психику не опосредованно, а практически в режиме реального времени [4].

Во-вторых, значимым фактором стала эволюция психиатрического и психологического знания. Современные диагностические системы, включая МКБ-10/11, всё более чётко фиксируют многоуровневую природу психических расстройств, их связь с социальной средой, культурным контекстом и хроническими стрессорами [5]. Однако данные классификации по-прежнему ориентированы преимущественно на индивидуальную клиническую диагностику и не предназначены для анализа патологических состояний социальных систем как целостных психических образований.

В-третьих, принципиально новым элементом стало появление искусственного интеллекта как инструмента анализа и моделирования сложных систем. Алгоритмы машинного обучения, нейросетевые модели и системы обработки больших данных впервые позволили приблизиться к анализу нелинейных, многофакторных процессов, характерных для социальной психики. Без подобного когнитивного усиления сама идея системной социальной психоинженерии была бы методологически невозможна [6].

Пределы индивидуальной психологии и классической социологии

Несмотря на огромный вклад, внесённый индивидуальной психологией в понимание человеческой психики, её методологические рамки оказываются недостаточными для анализа современных социальных процессов. Индивидуально-ориентированные модели плохо масштабируются и не учитывают эффекты резонанса, усиления и искажения, возникающие при взаимодействии миллионов субъектов в едином информационном пространстве. Аналогичным образом классическая социология, оперирующая агрегированными показателями и абстрактными конструкциями, часто утрачивает связь с реальной психической динамикой живых людей, превращая общество в статистическую абстракцию [7].

На стыке этих ограничений формируется «слепая зона» научного знания — область надындивидуальных психических процессов, которые нельзя редуцировать ни к индивидуальному сознанию, ни к социальным структурам в их формальном виде. Именно эта зона становится центральным объектом социальной психоинженерии, рассматривающей общество как психическую систему особого рода.

Интернет и искусственный интеллект как точка бифуркации

Появление интернета стало не просто технологическим новшеством, но событием цивилизационного масштаба, изменившим топологию социальной реальности. Впервые в истории человечества подавляющее большинство социальных взаимодействий оказалось опосредовано единым цифровым пространством, в котором время, расстояние и культурные барьеры были радикально редуцированы. Это привело к формированию новых форм коллективного сознания, ускоренной циркуляции смыслов и беспрецедентной плотности психических взаимодействий между индивидами и группами [8]. Социальные процессы, ранее разворачивавшиеся

на протяжении поколений, стали развиваться в течение месяцев, недель, а иногда и дней, что качественно изменило динамику социальной психики.

Интернет не только объединил людей, но и создал принципиально новую среду существования психики. В цифровом пространстве психические состояния приобретают свойства квазиматериальных объектов: они фиксируются, тиражируются, усиливаются и модифицируются алгоритмами. Эмоции, убеждения, страхи и надежды утрачивают локальную привязку и превращаются в элементы глобальных психических потоков. В этих условиях становится возможным наблюдение за социальной психикой как за целостной системой, однако без соответствующего теоретического аппарата такие наблюдения остаются фрагментарными и плохо интерпретируемыми.

Искусственный интеллект усилил данный эффект, выступив не только в роли инструмента анализа, но и в качестве активного участника социально-психических процессов. Алгоритмические системы рекомендаций, генеративные модели и автономные агенты начали влиять на формирование идентичностей, предпочтений и мировоззрений, зачастую незаметно для самих субъектов. Тем самым ИИ превратился в новый тип внешнего психического агента, способного вмешиваться в процессы, которые ранее считались исключительно внутренними или социально опосредованными [9]. Именно на этом этапе можно говорить о точке бифуркации, после которой традиционные гуманитарные модели утратили объяснительную полноту.

От описания общества — к его проектированию

На протяжении большей части своей истории гуманитарные науки придерживались описательного и интерпретативного подхода. Общество рассматривалось как данность, подлежащая анализу, но не системному проектированию. Даже те дисциплины, которые ставили своей целью социальные изменения, как правило, опирались на идеологические или нормативные основания, а не на формализуемые психические закономерности. В условиях цифровой эпохи такой подход становится не только недостаточным, но и потенциально опасным, поскольку отсутствие осознанного управления не устраняет воздействия, а лишь передаёт их в руки стихийных, часто неконтролируемых факторов.

Социальная психоинженерия предлагает качественно иную парадигму, в рамках которой общество рассматривается как сложная психическая система, поддающаяся диагностике, моделированию и целенаправленному воздействию. Речь не идёт о тотальном контроле или манипуляции, а о переходе от наивного невмешательства к ответственному и научно обоснованному проектированию социальных процессов. Подобно тому как клиническая психиатрия не ограничивается описанием симптомов, но стремится к терапии и профилактике, социальная психоинженерия предполагает возможность «лечения» и коррекции патологических состояний социума.

Важно подчеркнуть, что проектирование в данном контексте не означает механистического конструирования. Социальные психические системы обладают высокой степенью нелинейности, чувствительностью к начальным условиям и способностью к самоорганизации. Поэтому социальная психоинженерия требует особой методологической осторожности, опоры на принципы минимального вмешательства и постоянного анализа обратной связи. Именно эти основания будут последовательно развёрнуты в настоящей монографии.

Цели, задачи и структура монографии

Целью данной монографии является формирование теоретических и методологических оснований социальной психоинженерии как самостоятельной научной дисциплины.

Для достижения этой цели последовательно решаются несколько взаимосвязанных **задач**.

Во-первых, осуществляется критический анализ существующих гуманитарных подходов и выявляются их методологические ограничения в условиях цифрового общества.

Во-вторых, вводится онтологическая модель социальной психики, рассматривающая общество как многоуровневую психическую систему.

В-третьих, формируется понятийный аппарат и аксиоматика, позволяющие перейти от описания к формализации социальных психических процессов.

В-четвёртых, разрабатываются принципы социальной диагностики, проектирования и коррекции с учётом рисков, этических и правовых ограничений.

Структура монографии выстроена в логике поступательного движения от фундаментальных оснований к прикладным аспектам. В первом отделе рассматриваются методологические и онтологические предпосылки новой дисциплины. Второй отдел посвящён формированию понятийного аппарата и базовых законов социальной психоинженерии. Третий отдел раскрывает структуру и уровни социальной психической системы. В четвёртом отделе анализируются инженерные подходы к диагностике и воздействию. Пятый и шестой отделы посвящены рискам, социальной психопатологии, этическим и правовым границам допустимого вмешательства. Завершающий отдел рассматривает роль искусственного интеллекта и возможные сценарии будущего развития. Таким образом, настоящая монография претендует не только на теоретическое новаторство, но и на создание научного основания для новой профессиональной области, способной ответить на вызовы XXI века.

Литература

[1] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[2] Allport G. W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.

[3] Bertalanffy L. von. General System Theory. New York: George Braziller, 1968.

[4] Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. Journal of Computer-Mediated Communication. 2007.

[5] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[6] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[7] Durkheim É. The Rules of Sociological Method. New York: Free Press, 1982.

[8] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

[9] Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Pearson, 2021.

ОТДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

ГЛАВА 1. Кризис гуманитарного знания в эпоху цифровых обществ

1.1. Фрагментация психологического и социального знания

Гуманитарное знание, формировавшееся на протяжении XIX–XX веков, развивалось в условиях сравнительно стабильных социальных структур, медленной информационной динамики и чётко различимых границ между индивидуальной психикой, социальной средой и институциональными формами общественной жизни. В этих условиях естественным и методологически оправданным стал процесс специализации научных дисциплин, в рамках которого каждая область знания выделяла собственный объект исследования, понятийный аппарат и методы анализа. Психология сосредотачивалась на внутренних процессах сознания и поведения индивида, социология — на социальных структурах и закономерностях массовых процессов, психиатрия — на клинических формах нарушения психической деятельности, а философия выполняла интегративную и рефлексивную функцию по отношению к этим областям [1].

Однако по мере усложнения социальных систем и ускорения исторических процессов данная дифференциация знания начала приобретать характер фрагментации. Под фрагментацией в данном контексте понимается не просто разделение дисциплин, но утрата целостного взгляда на психическую реальность человека и общества, при которой отдельные научные области утрачивают способность соотносить свои выводы с результатами смежных дисциплин. Каждая из них оказывается замкнутой в собственном методологическом поле, описывая лишь фрагмент реальности, но претендуя при этом на универсальность своих объяснений.

В психологии данная тенденция проявилась в множественности школ, направлений и парадигм, часто слабо совместимых друг с другом на уровне базовых предпосылок. Когнитивная психология, психоанализ, бихевиоризм, гуманистическая и экзистенциальная психология развивались как относительно автономные системы знания, нередко оперируя различными представлениями о природе психики, сознания и поведения [2]. Несмотря на значительное эмпирическое накопление, это привело к тому, что психологическое знание стало внутренне разнородным и методологически эклектичным, что существенно осложнило его интеграцию с социальными науками.

Социология, в свою очередь, также развивалась по пути теоретической дивергенции. Структурный функционализм, символический интеракционизм, конфликтная теория, феноменологическая социология и постструктуралистские подходы предложили различные модели описания общества, зачастую опирающиеся на разные представления о человеке и его мотивации [3]. При этом психическая реальность индивида либо редуцировалась до функции социальных ролей, либо исключалась из анализа как субъективно недоступная строгому научному исследованию. В результате между психологией и социологией сформировалась устойчивая методологическая граница, которая лишь частично преодолевалась в рамках социальной психологии.

Социальная психология, возникшая как попытка интеграции индивидуального и социального уровней анализа, изначально претендовала на роль связующего звена между двумя

областями знания. Однако по мере своего институционального развития она также столкнулась с внутренней фрагментацией и методологическими ограничениями. Экспериментальная ориентация, характерная для англосаксонской традиции, привела к фокусировке на микросоциальных процессах в искусственно созданных условиях, тогда как макросоциальные и исторические аспекты часто оставались за пределами анализа [4]. В итоге социальная психология оказалась неспособной дать целостное объяснение масштабных социальных трансформаций, характерных для цифровой эпохи.

Особое место в данной фрагментации занимает психиатрия, которая традиционно рассматривала психические расстройства как индивидуальные патологические процессы, локализованные в психике конкретного человека. Несмотря на признание социальной обусловленности многих психических расстройств, клиническая практика и диагностические классификации, включая МКБ-10/11, по-прежнему ориентированы преимущественно на индивидуальный уровень анализа [5]. Это приводит к тому, что массовые социальные феномены, такие как коллективная тревожность, панические реакции, радикализация или дезинтеграция идентичности, остаются вне поля системной клинико-психиатрической рефлексии, несмотря на их очевидное влияние на психическое здоровье населения.

Фрагментация гуманитарного знания усугубляется спецификой современного академического производства. Рост количества публикаций, узкая специализация исследователей и институциональные требования к научной продуктивности стимулируют разработку всё более частных проблем в ущерб синтезу и теоретической интеграции. В результате гуманитарные науки всё чаще утрачивают способность формировать обобщающие модели, способные описывать сложные, многоуровневые процессы, происходящие в реальных обществах [6]. Это особенно заметно в контексте цифровых трансформаций, где границы между индивидуальным, социальным и технологическим уровнями оказываются принципиально размытыми.

Цифровая среда делает фрагментацию знания не просто теоретической проблемой, но практическим ограничением. Поведение индивида в социальных сетях, его эмоциональные реакции, когнитивные искажения и формы идентификации одновременно являются психологическими, социальными и алгоритмически опосредованными явлениями. Попытки анализировать их в рамках одной дисциплины неизбежно приводят к редукционизму, тогда как междисциплинарные подходы зачастую лишены единой онтологической основы и сводятся к механическому заимствованию понятий [7].

Таким образом, фрагментация психологического и социального знания представляет собой не случайное состояние, а закономерный результат исторического развития гуманитарных наук в условиях, которые радикально изменились в XXI веке. Эта фрагментация делает невозможным адекватное понимание современной социальной реальности, в которой психика индивида, коллективные процессы и цифровые технологии образуют единое, сложно организованное целое. Осознание данного кризиса является необходимым первым шагом к формированию новой дисциплины, способной преодолеть разрыв между уровнями анализа и предложить целостную модель психики социума.

Исторический анализ развития гуманитарного знания в XX веке позволяет увидеть, что фрагментация не была изначально осознаваемой проблемой, а напротив, рассматривалась как признак научного прогресса. Процесс дифференциации дисциплин сопровождался институционализацией научных школ, формированием специализированных журналов, кафедр и профессиональных сообществ. В рамках этой логики каждая область знания стремилась к методологической автономии и защите собственных границ, что соответствовало позитивистскому идеалу «строгой науки», доминировавшему в первой половине XX века [8]. Однако побочным эффектом данного процесса стало постепенное утрачивания целостного понимания психической реальности человека как существа одновременно биологического, психического, социального и культурного.

Особенно наглядно это проявилось в разрыве между объяснительными моделями индивидуального и коллективного поведения. Психология, ориентированная на эксперимент и клиническое наблюдение, вырабатывала модели, адекватные для анализа отдельных когнитивных или эмоциональных процессов, но с трудом применимые к динамике массовых явлений. Социология, в свою очередь, разрабатывала концепции социальных структур и институтов, зачастую опираясь на абстрактного «социального актора», лишённого внутренней психической глубины. Эти два подхода развивались параллельно, редко вступая в полноценный диалог, что особенно ярко проявилось в неспособности гуманитарных наук дать убедительные объяснения феноменам массовых идеологий, тоталитарных движений и коллективных травм XX века [9].

Попытки преодоления данной фрагментации предпринимались неоднократно. Одним из наиболее значимых направлений стала междисциплинарность как исследовательская стратегия. Однако в большинстве случаев междисциплинарные проекты носили скорее декларативный характер и ограничивались заимствованием терминологии без глубинной онтологической интеграции. Понятия, разработанные в рамках одной дисциплины, механически переносились в другую, утрачивая при этом свою исходную смысловую нагрузку. В результате возникал псевдосинтез, который не устранял фрагментацию, а лишь маскировал её [10].

Характерным примером подобного подхода можно считать некоторые направления социальной психологии и культурной психиатрии, которые пытались учитывать социальный контекст психических процессов, не изменяя при этом базовой индивидуалистической онтологии. Социальные факторы в этих моделях рассматривались как внешние «влияния» или «стрессоры», а не как структурные элементы самой психической системы. Даже в рамках психиатрии, несмотря на признание социально детерминированных форм психопатологии, таких как реактивные и стресс-индуцированные расстройства, диагностическое мышление продолжало оставаться ориентированным на индивидуального пациента, что закреплено в логике МКБ-10/11 [11].

Фрагментация гуманитарного знания проявилась и на уровне языка описания. Психология, социология и психиатрия используют различные понятийные аппараты для обозначения феноменов, которые в реальной социальной жизни тесно переплетены. Такие понятия, как «идентичность», «тревога», «адаптация» или «дезадаптация», приобретают различные значения в зависимости от дисциплинарного контекста, что затрудняет кумуляцию знания и сопоставление эмпирических данных. В цифровую эпоху эта проблема усугубляется тем, что новые социальные феномены — сетевые сообщества, цифровые идентичности, алгоритмически формируемые поведенческие паттерны — не укладываются в традиционные категориальные схемы [12].

Особую роль в углублении кризиса фрагментации сыграли процессы цифровизации и глобализации. Они привели к размыванию границ между частной и публичной сферой, индивидуальным и коллективным, внутренним и внешним. Поведение человека в цифровой среде одновременно является выражением его индивидуальных психических особенностей, результатом групповых норм и следствием алгоритмического воздействия. Ни одна из существующих гуманитарных дисциплин не располагает инструментарием, позволяющим адекватно учитывать все эти уровни одновременно. Это приводит к тому, что анализ неизбежно редуцируется либо к индивидуальной психике, либо к социальным структурам, либо к технологическим факторам, в зависимости от исследовательской позиции [13].

В этом контексте становится очевидным, что фрагментация гуманитарного знания является не просто академической проблемой, но фактором, ограничивающим способность общества к самопониманию и саморегуляции. Отсутствие целостной модели социальной психики затрудняет разработку эффективных стратегий профилактики массовых психических расстройств, управления коллективными кризисами и минимизации деструктивных социальных процессов. Более того, данная фрагментация создаёт благоприятные условия для неконтро-

лируемого применения технологий воздействия на массовое сознание, поскольку отсутствие единой научной рамки делает эти процессы малоосознаваемыми и слабо регулируемыми [14].

Именно в этом месте возникает необходимость принципиально нового синтеза, выходящего за рамки традиционной междисциплинарности. Социальная психоинженерия, как она будет развёрнута в последующих главах настоящей монографии, предлагает рассматривать психологическое и социальное знание не как совокупность разрозненных дисциплин, а как элементы единой системы, объединённой общей онтологией психической реальности. Такой подход предполагает отказ от редукционистских моделей и признание того факта, что социальная психика обладает собственными закономерностями, не сводимыми ни к индивидуальному сознанию, ни к социальным структурам в их классическом понимании.

Таким образом, анализ фрагментации психологического и социального знания позволяет сделать вывод о том, что кризис гуманитарных наук в эпоху цифровых обществ носит системный характер. Он требует не косметических методологических корректировок, а пересмотра фундаментальных оснований научного мышления о человеке и обществе. Подглава 1.1 тем самым подводит к следующему логическому шагу — анализу научной беспомощности гуманитарного знания перед массовыми процессами, который будет осуществлён в подглаве 1.2.

Литература

[1] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[2] Freud S. Introductory Lectures on Psycho-Analysis. New York: Liveright, 1917.

[3] Durkheim É. The Rules of Sociological Method. New York: Free Press, 1982.

[4] Allport G. W. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.

[5] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[6] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[7] Parsons T. The Social System. New York: Free Press, 1951.

[8] Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.

[9] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt, Brace & Company, 1951.

[10] Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

[11] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

[12] Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.

[13] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

[14] Han B.-C. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. London: Verso, 2017.

1.2. Научная беспомощность перед массовыми процессами

Кризис гуманитарного знания в эпоху цифровых обществ проявляется не только в его фрагментации, но и в более глубокой проблеме — в неспособности существующих научных дисциплин адекватно описывать, объяснять и прогнозировать массовые социально-психические процессы. Под научной беспомощностью в данном контексте понимается не отсутствие эмпирических данных или исследовательских усилий, а структурное несоответствие между

сложностью исследуемых явлений и методологическими инструментами, которыми располагают гуманитарные науки. Массовые процессы, охватывающие миллионы людей и разворачивающиеся в нелинейной цифровой среде, оказываются принципиально иного порядка, чем те объекты, для анализа которых формировались классические психологические и социологические теории.

Исторически гуманитарные науки развивались в условиях, когда массовые социальные явления были относительно медленными, локализованными и институционально опосредованными. Массовые движения, идеологии и коллективные настроения формировались через устойчивые каналы социализации — семью, образование, религию, государственные институты и традиционные медиа. В этих условиях социальные процессы поддавались ретроспективному анализу и теоретическому обобщению, а временной разрыв между причиной и следствием позволял выстраивать объяснительные модели постфактум [1]. Современная цифровая среда радикально изменила эту ситуацию, сделав массовые процессы быстрыми, флуктуирующими и слабо предсказуемыми.

Одной из ключевых причин научной беспомощности является несоразмерность масштабов анализа. Психология, ориентированная на эксперимент, клиническое наблюдение и тестирование, оперирует выборками, которые неизбежно ограничены и искусственно изолированы от реального социального контекста. Полученные таким образом данные часто оказываются статистически значимыми, но слабо применимыми к пониманию динамики массовых явлений, где решающую роль играют эффекты резонанса, подражания, эмоционального заражения и алгоритмического усиления [2]. В результате психологические теории либо игнорируют массовый уровень, либо сводят его к сумме индивидуальных реакций, что методологически некорректно.

Социология, напротив, традиционно работает с большими массивами данных и агрегированными показателями, что позволяет ей фиксировать макросоциальные тенденции. Однако при этом она часто утрачивает доступ к внутренней психической реальности субъектов, заменяя её абстрактными категориями и переменными. Массовые процессы в таком подходе описываются как результат взаимодействия структурных факторов, экономических интересов или институциональных условий, тогда как эмоциональная, аффективная и когнитивная динамика остаётся либо недооценённой, либо редуцированной до вторичных эффектов [3]. Это приводит к тому, что социологическое объяснение оказывается формально корректным, но психологически «пустым», неспособным объяснить интенсивность и иррациональность многих массовых феноменов.

Особо остро данная проблема проявляется в анализе кризисных социальных состояний. Массовые паники, всплески коллективной агрессии, радикализация, распространение конспирологических убеждений и дезинформации демонстрируют динамику, которая не укладывается в линейные модели причинности. Эти процессы характеризуются быстрыми фазовыми переходами, когда незначительные события могут приводить к масштабным социальным последствиям. Классические гуманитарные модели, основанные на предположении о рациональности или квазирациональности социального актора, оказываются неспособными уловить данные нелинейные эффекты [4].

Психиатрическое знание также сталкивается с пределами своей применимости при попытке осмысления массовых процессов. Несмотря на разработку категорий, связанных со стрессом, адаптацией и расстройствами, обусловленными социальными факторами, клиническая психиатрия по-прежнему ориентирована на индивидуальный диагноз и индивидуальное лечение. МКБ-10/11 фиксируют широкий спектр реактивных и стресс-ассоциированных расстройств, однако они не предназначены для диагностики патологических состояний общества как целостной системы [5]. В результате явления, которые по своей природе носят массовый и системный характер, оказываются «растворёнными» в статистике индивидуальных случаев.

Дополнительным фактором научной беспомощности является временная асинхронность между научным анализом и реальными социальными процессами. Гуманитарное знание, как правило, развивается ретроспективно, анализируя уже состоявшиеся события. Научные публикации, теоретические обобщения и концептуальные модели появляются спустя годы после того, как соответствующие социальные явления уже изменили общественную реальность. В цифровую эпоху, где социальные процессы разворачиваются с высокой скоростью, подобная задержка приводит к тому, что наука постоянно оказывается в положении догоняющего, не влияя на актуальные процессы, а лишь фиксируя их последствия [6].

Существенную роль в усугублении данной ситуации играет отсутствие единой операционализируемой модели социальной психики. Массовые процессы описываются то как информационные, то как культурные, то как политические, то как экономические, в зависимости от исследовательской перспективы. При этом отсутствует понятийный аппарат, позволяющий рассматривать их как проявления единой психической динамики социума. Это приводит к тому, что различные дисциплины параллельно описывают одни и те же явления, не соотнося свои выводы и не формируя кумулятивное знание [7].

Научная беспомощность гуманитарных наук перед массовыми процессами имеет не только теоретические, но и практические последствия. Управленческие решения, принимаемые в условиях кризисов, часто опираются на интуитивные, идеологические или технологические соображения, а не на научно выверенные модели социальной психической динамики. В результате вмешательства в социальные процессы могут усиливать деструктивные тенденции, приводя к непредсказуемым и труднообратимым последствиям. Отсутствие научного инструментария для оценки таких рисков делает общество уязвимым перед как стихийными, так и преднамеренными формами воздействия на массовое сознание [8].

Таким образом, под научной беспомощностью перед массовыми процессами следует понимать системный кризис объяснительных и прогностических возможностей гуманитарного знания в условиях цифровых обществ. Этот кризис не может быть преодолён в рамках существующих дисциплинарных парадигм, поскольку он связан с фундаментальными ограничениями их онтологии и методологии. Осознание данной беспомощности подводит к необходимости формирования новой научной области, ориентированной на анализ и проектирование массовых социально-психических процессов как целостных, многоуровневых систем.

Продолжая анализ научной беспомощности гуманитарного знания, необходимо отдельно остановиться на роли цифровых технологий как факторе, радикально усилившем структурные ограничения классических теорий. В цифровой среде массовые процессы перестают быть лишь следствием институциональных или культурных трансформаций и приобретают собственную динамику, опосредованную алгоритмами. Алгоритмические системы отбора информации, персонализации контента и управления вниманием формируют особую среду, в которой психические реакции индивидов непрерывно усиливаются, искажаются и синхронизируются на уровне миллионов пользователей. Данная динамика принципиально не вписывается в традиционные модели массового поведения, разработанные в эпоху до интернета [9].

Алгоритмическое посредничество приводит к возникновению феномена ускоренной социальной обратной связи, при которой эмоциональные и когнитивные реакции мгновенно отражаются в поведении цифровых систем, а затем вновь воздействуют на пользователей в усиленной форме. В результате массовые психические процессы приобретают свойства самоподдерживающихся контуров, способных к быстрому нарастанию напряжения и резким фазовым переходам. Классические гуманитарные теории, основанные на линейных моделях причинности и постепенного социального изменения, оказываются неспособными учитывать подобные эффекты [10].

Особое значение имеет тот факт, что многие массовые процессы в цифровых обществах развиваются за пределами институционального контроля и вне традиционных публич-

ных пространств. Они формируются в распределённых сетевых сообществах, часто анонимных и лишённых устойчивых форм социальной ответственности. Это приводит к снижению роли рационального дискурса и усилению аффективных, импульсивных форм коллективного поведения. В таких условиях научные модели, апеллирующие к рациональному субъекту или нормативным структурам, теряют объяснительную силу, поскольку не отражают реальную психическую динамику цифровых масс [11].

На этом фоне особенно показательной становится неспособность гуманитарного знания прогнозировать развитие крупных социальных кризисов. Финансовые крахи, политические радикализации, эпидемиологические паники и информационные войны в XXI веке зачастую оказываются неожиданными даже для экспертов, непосредственно занятых их изучением. Анализ этих событий постфактум обнаруживает множество предупреждающих сигналов, однако отсутствие интегративной теории социальной психики не позволяет распознать их значимость в реальном времени. Тем самым гуманитарные науки продолжают выполнять описательную функцию, не переходя к прогностической и инженерной роли [12].

Следует подчеркнуть, что научная беспомощность перед массовыми процессами не означает полного отсутствия знаний о данных явлениях. Напротив, накоплено огромное количество разрозненных эмпирических данных, кейсовых исследований и частных теоретических моделей. Проблема заключается в том, что эти знания не интегрированы в единую систему и не опираются на общую онтологию социальной психической реальности. В отсутствие такой онтологии любое обобщение носит фрагментарный характер и не может служить основанием для системного вмешательства в социальные процессы [13].

В этом смысле научная беспомощность является не дефектом отдельных теорий или исследовательских программ, а следствием исторически сложившейся архитектуры гуманитарного знания. Она воспроизводится на институциональном уровне, в системе образования, научной экспертизы и принятия решений. Отсутствие специалистов, способных мыслить одновременно в категориях психики, общества и технологий, приводит к тому, что управление массовыми процессами фактически передаётся либо технократическим структурам, не обладающим гуманитарной рефлексией, либо идеологическим акторам, использующим психологические механизмы без научного и этического контроля [14].

Осознание данной ситуации позволяет сделать принципиально важный вывод: дальнейшее развитие гуманитарных наук в их традиционном виде не способно устранить научную беспомощность перед массовыми процессами. Необходим переход к новой форме знания, в рамках которой массовые социально-психические явления будут рассматриваться как объекты системного анализа, диагностики и инженерного воздействия. Такая форма знания должна объединять клиническое понимание психики, социальную теорию и инструменты анализа сложных динамических систем, включая искусственный интеллект.

Подглава 1.2 тем самым выполняет переходную функцию в структуре монографии. Она фиксирует пределы существующего гуманитарного знания и подготавливает основу для критического анализа иллюзии управляемости общества, характерной для XX века, которая будет рассмотрена в подглаве 1.3. Именно на фоне научной беспомощности особенно отчётливо проявляется расхождение между представлением о социальном управлении и реальными возможностями понимания и регулирования массовых психических процессов.

Литература

[1] Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.
[2] Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. London: T. Fisher Unwin, 1895.
[3] Durkheim É. Suicide: A Study in Sociology. New York: Free Press, 1951.
[4] Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

[5] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[6] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[7] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[8] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

[9] Castells M. Networks of Outrage and Hope. Cambridge: Polity Press, 2012.

[10] Barabási A.-L. Network Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

[11] Sunstein C. R. Republic.com 2.0. Princeton: Princeton University Press, 2009.

[12] Taleb N. N. The Black Swan. New York: Random House, 2007.

[13] Foucault M. Power/Knowledge. New York: Pantheon Books, 1980.

[14] Han B.-C. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. London: Verso, 2017.

1.3. Иллюзия управления обществом в XX веке

XX век вошёл в историю как эпоха беспрецедентной веры в возможность рационального управления обществом. Эта вера формировалась на пересечении нескольких мощных интеллектуальных и технологических тенденций: развития индустриального производства, становления массовых государств, роста бюрократических систем, успехов естественных наук и распространения инженерного мышления на социальную сферу. Общество всё чаще начинало мыслиться как сложный, но в принципе поддающийся контролю механизм, элементы которого можно регулировать посредством планирования, нормирования и целенаправленного воздействия. Именно в этом контексте возникли многочисленные проекты «научного управления» социальными процессами, от экономического планирования до идеологического воспитания масс [1].

В основе данной иллюзии лежала экстраполяция успехов естественно-научного и технического знания на гуманитарную сферу. Если физические системы поддавались точному описанию и прогнозированию, а инженерные конструкции — расчёту и оптимизации, то аналогичный подход казался применимым и к обществу. Социальные науки заимствовали язык системности, функциональности и управления, при этом зачастую не имея адекватной модели специфически психической природы социальных процессов. Общество в таких моделях редуцировалось до совокупности функций, ролей и институтов, а человеческая психика рассматривалась как относительно пассивный элемент, поддающийся воспитанию, пропаганде или дисциплинарному воздействию [2].

Особое место в формировании иллюзии управления занимали идеологии XX века, претендовавшие на научный статус. Марксизм, позитивизм, различные формы технократического мышления рассматривали историю и общественное развитие как закономерный процесс, подчиняющийся объективным законам. В рамках этих подходов управление обществом мыслилось как реализация заранее известной логики развития, а политические и социальные институты — как инструменты воплощения «научно обоснованных» целей. Однако фактическая практика показала, что социальные системы реагируют на подобные вмешательства не линейно, а зачастую парадоксально, воспроизводя эффекты, противоположные ожидаемым [3].

Психологическое измерение данных процессов в значительной степени оставалось за пределами теоретического анализа. Массовое сознание рассматривалось либо как объект идеологического воздействия, либо как статистическая сумма индивидуальных установок. Такие феномены, как коллективная тревога, страх, агрессия, фанатизм и эмоциональное заражение, признавались, но не получали системного научного описания. Даже классические работы по психологии масс, начиная с Гюстава Лебона, воспринимались скорее как описательные или публицистические, чем как основание для строгой научной теории управления социально-психическими процессами [4].

Государственные и институциональные практики XX века активно использовали представление о возможности управления массовым поведением. Пропаганда, массовое образование, стандартизация культуры и дисциплинарные механизмы рассматривались как эффективные средства формирования «нового человека» или «социально желательного поведения». Однако результаты этих практик часто обнаруживали ограниченность подобного подхода. Массовые психозы, идеологические радикализации, внезапные социальные взрывы и разрушительные формы коллективного насилия свидетельствовали о том, что психика социума обладает собственной динамикой, не поддающейся прямому контролю [5].

С клинико-психиатрической точки зрения иллюзия управления обществом также сопровождалась игнорированием масштабных психических последствий социальных экспериментов XX века. Коллективные травмы, вызванные войнами, репрессиями, экономическими кризисами и идеологическим давлением, оставляли глубокий след в психической структуре обществ, проявляясь в повышенной тревожности, недоверии, склонности к авторитаризму или, напротив, социальной апатии. Эти феномены не укладывались в рамки индивидуальной психопатологии и потому долгое время оставались вне поля системного научного анализа, несмотря на их устойчивое воспроизводство на межпоколенческом уровне [6].

Таким образом, иллюзия управления обществом в XX веке была связана не с реальным пониманием социальной психики, а с переоценкой возможностей институционального и идеологического воздействия. Управление подменялось контролем, а контроль — регламентацией внешних форм поведения, без учёта глубинных психических процессов. Отсутствие адекватной онтологии социальной психики приводило к тому, что даже тщательно продуманные социальные проекты сталкивались с непредсказуемыми эффектами, которые интерпретировались как «ошибки реализации», а не как признаки фундаментальной ограниченности самой концепции управления.

На этом этапе становится очевидным, что XX век не создал науки управления обществом в подлинном смысле слова, а лишь сформировал устойчивую иллюзию такой науки. Эта иллюзия оказалась возможной благодаря относительной медлительности социальных процессов и ограниченности каналов массовой коммуникации. С наступлением цифровой эпохи данные предпосылки исчезли, и несостоятельность старых представлений об управляемости общества стала особенно заметной.

Продолжая анализ иллюзии управляемости общества, необходимо отдельно рассмотреть феномен социального планирования, который в XX веке воспринимался как высшая форма рационального контроля над историческим процессом. Экономическое и социальное планирование, особенно в условиях централизованных государственных систем, основывалось на предположении о принципиальной предсказуемости человеческого поведения при заданных структурных условиях. Предполагалось, что изменение материальных, образовательных или институциональных параметров автоматически приведёт к формированию заданных форм сознания и поведения. Однако эта логика опиралась преимущественно на упрощённые модели человека, в которых психическая реальность редуцировалась к рациональному реагированию на внешние стимулы [7].

На практике социальное планирование сталкивалось с сопротивлением, которое не могло быть объяснено ни экономическими, ни институциональными факторами в узком смысле. Массовые формы пассивного саботажа, двойного мышления, социальной апатии и латентной агрессии свидетельствовали о наличии автономных психических процессов на уровне социума. Эти процессы не поддавались прямому административному контролю и часто сохранялись даже при длительном и интенсивном воздействии. Тем самым обнаруживалось фундаментальное расхождение между формальной управляемостью внешних социальных структур и реальной неуправляемостью внутренней психической динамики общества.

Особую роль в поддержании иллюзии управления играла пропаганда, рассматривавшаяся как инструмент формирования массового сознания. Пропагандистские модели XX века исходили из представления о линейной передаче смыслов от источника к получателю и об относительной однородности массовой аудитории. Однако эмпирическая реальность показывала, что воздействие пропаганды носит избирательный, контекстуально опосредованный характер и способно вызывать непреднамеренные эффекты. Усиление тревоги, формирование параноидных установок, рост социальной поляризации и радикализации нередко становились побочными продуктами идеологического давления, что указывало на неконтролируемую аффективную составляющую массового сознания [8].

Методологическая проблема заключалась в том, что социальное управление в XX веке почти всегда осуществлялось без чётко сформулированной онтологии социальной психики. Общество рассматривалось либо как совокупность индивидов, либо как абстрактная система институтов, но крайне редко — как целостная психическая система со своими законами, динамикой и формами патологии. В результате управление подменялось регуляцией поведения, а глубокие психические процессы игнорировались или интерпретировались как второстепенные. Эта редукция делала любое представление о контроле принципиально неполным.

С клинической точки зрения последствия подобного подхода проявлялись в виде устойчивых социальных симптомов, не находивших отражения в индивидуальных диагнозах. Межпоколенческая передача травмы, хроническое недоверие, коллективные страхи и искажения идентичности формировали фон, на котором разворачивались социальные и политические процессы. МКБ-10/11, фиксируя важность социального контекста психических расстройств, не предоставляют инструментария для описания подобных состояний на уровне общества, что лишь подчёркивает ограниченность клинического языка при анализе масштабных социальных феноменов [9].

Таким образом, иллюзия управления обществом в XX веке была поддержана сочетанием институциональной мощи, идеологической уверенности и отсутствия адекватного понимания психической природы социума. Управление мыслилось как внешнее воздействие на структуры и поведение, тогда как внутренняя психическая динамика оставалась в значительной степени непостижимой и неконтролируемой. В условиях цифровых обществ эта иллюзия окончательно утрачивает свою убедительность, поскольку скорость, масштаб и нелинейность социальных процессов делают невозможным даже формальное поддержание представления о централизованном контроле.

Подглава 1.3 подводит к ключевому выводу: кризис гуманитарного знания в XX веке был не следствием недостатка данных или технологий, а результатом глубинного методологического заблуждения относительно природы общества и возможностей его управления. Осознание этого факта открывает путь к анализу причин, по которым традиционные дисциплины оказываются неспособными ответить на вызовы цифровой эпохи, что и станет предметом подглавы 1.4.

Литература

[1] Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

[2] Taylor F. W. The Principles of Scientific Management. New York: Harper & Brothers, 1911.

[3] Popper K. R. The Poverty of Historicism. London: Routledge, 1957.

[4] Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. London: T. Fisher Unwin, 1895.

[5] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt, Brace & Company, 1951.

[6] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[7] Parsons T. The Social System. New York: Free Press, 1951.

[8] Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. New York: Vintage Books, 1965.

[9] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[10] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[11] Foucault M. Discipline and Punish. New York: Vintage Books, 1977.

[12] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

1.4. Почему старые дисциплины не справляются

Анализ фрагментации гуманитарного знания, научной беспомощности перед массовыми процессами и иллюзии управляемости общества в XX веке позволяет сделать принципиально важный вывод: кризис гуманитарных дисциплин носит не частный и не временный характер, а является системным следствием их исходных онтологических и методологических предпосылок. Старые дисциплины не «отстают» от реальности и не «недостаточно развиты»; они оказываются структурно несоразмерными тем объектам, с которыми им приходится иметь дело в условиях цифровых обществ.

Прежде всего, ограниченность классических гуманитарных наук связана с их фундаментальной ориентацией на либо индивидуальный, либо институциональный уровень анализа. Психология, психиатрия и смежные дисциплины исторически формировались вокруг индивидуальной психики как основного объекта исследования. Даже тогда, когда они выходили за рамки строго клинического или экспериментального анализа, социальный контекст рассматривался преимущественно как внешняя среда, оказывающая влияние на индивида, но не как самостоятельная психическая реальность. В результате психика оставалась локализованной в границах отдельного субъекта, а надындивидуальные процессы интерпретировались через механизмы проекции, интериоризации или социализации, но не через собственные законы функционирования [1].

Социология, напротив, изначально была ориентирована на анализ социальных структур, институтов и макропроцессов, зачастую ценой редукции психической реальности. Человек в социологических теориях выступал либо как носитель социальных ролей, либо как рациональный актор, реагирующий на стимулы и ограничения среды. Аффективные, бессознательные и травматические аспекты коллективной жизни оставались либо периферийными, либо концептуально неопределёнными. Таким образом, между психологическим и социологическим знанием сформировался устойчивый разрыв, который не удалось устранить ни за счёт социальной психологии, ни за счёт культурных и интерпретативных подходов [2].

Ключевая проблема заключается в том, что ни одна из классических гуманитарных дисциплин не оперирует понятием социальной психики как реального, онтологически самостоятельного уровня психической организации. Там, где этот уровень фактически присутствует

— в форме коллективных эмоций, массовых убеждений, разделяемых страхов, идентичностей и нарративов — он либо редуцируется к индивидуальным психическим процессам, либо растворяется в абстрактных социальных категориях. В результате сами объекты анализа оказываются концептуально неуловимыми, а научное описание подменяется описанием их внешних проявлений.

Методологические ограничения старых дисциплин особенно ясно проявляются в их отношении к динамике и нелинейности. Большинство классических теорий строятся вокруг предпосылки относительной стабильности изучаемых процессов и линейной причинности. Социальные изменения в них трактуются как постепенные, кумулятивные и объяснимые через ограниченное число факторов. Однако массовые процессы цифровой эпохи демонстрируют иную логику: они развиваются скачкообразно, характеризуются эффектами усиления, резонанса и неожиданными фазовыми переходами. В рамках существующих гуманитарных парадигм такие явления описываются как «аномалии», «кризисы» или «исключения», тогда как на самом деле они становятся нормой современного социального бытия [3].

Дополнительным ограничением является инструментальный характер гуманитарного знания, ориентированного преимущественно на интерпретацию и объяснение, но не на проектирование. Даже когда дисциплины выходят за пределы чистого описания и начинают формулировать нормативные рекомендации, они, как правило, не располагают средствами проверки и моделирования своих воздействий. Вмешательство в социальные процессы осуществляется либо на основе интуитивных представлений, либо в логике политической или идеологической целесообразности. Отсутствие формализуемых моделей социальной психики делает невозможным системное прогнозирование последствий такого вмешательства [4].

С психиатрической точки зрения ограниченность старых дисциплин проявляется в невозможности адекватного описания массовых психических состояний. МКБ-10/11 содержат важные указания на роль социальных факторов в генезе психических расстройств, однако они принципиально не предназначены для диагностики состояний социума как целостной системы. Коллективные формы тревоги, хронического стресса, депрессивных настроений или агрессии фиксируются лишь опосредованно — через рост индивидуальной заболеваемости. При этом сама социальная среда не рассматривается как объект клинико-психиатрического анализа, что существенно ограничивает возможности профилактики и вмешательства [5].

Важно подчеркнуть, что проблема несостоятельности старых дисциплин не решается за счёт их механического объединения. Междисциплинарные подходы, не опирающиеся на общую онтологию, лишь воспроизводят фрагментацию на новом уровне. Заимствование понятий, методов и метафор без пересмотра базовых представлений о природе психической и социальной реальности приводит к эклектизму, а не к синтезу. В результате гуманитарное знание расширяется количественно, но не приобретает качественно новых возможностей.

В условиях цифровых обществ данная ситуация приобретает критический характер. Старые дисциплины не просто описывают реальность с опозданием; они утрачивают способность быть интеллектуальным регулятором социальных процессов. Освобождённое от научного осмысления пространство заполняется технологическими и идеологическими практиками, которые воздействуют на массовую психику без системного понимания её закономерностей и без этических ограничений. Именно здесь становится очевидной необходимость перехода к новому типу знания, ориентированному на диагностику, моделирование и проектирование социальной психики как целостного объекта.

Продолжая анализ методологических ограничений классических гуманитарных дисциплин, необходимо отдельно остановиться на проблеме редукционизма, которая пронизывает большинство традиционных подходов к изучению человека и общества. Редукционизм в гуманитарных науках проявляется в стремлении сводить сложные, многоуровневые социально-психические явления к одному доминирующему уровню объяснения — биологическому, инди-

видуально-психологическому, экономическому или институциональному. Подобная стратегия может быть методологически удобной, однако в условиях цифровых обществ она приводит к систематической утрате существенных свойств изучаемых объектов.

Психологический редукционизм, сводящий социальные процессы к индивидуальным установкам, когнициям или личностным чертам, игнорирует эффекты синхронизации, резонанса и усиления, возникающие при взаимодействии множества субъектов в едином информационном пространстве. В таких моделях массовые явления трактуются как «усреднённые» реакции, что делает невозможным понимание взрывного характера многих социальных процессов. Социологический редукционизм, напротив, растворяет психическую реальность в структурных и статистических категориях, лишая анализ эмоциональной и аффективной глубины. Оба варианта редукции оказываются методологически несостоятельными, поскольку они исключают именно тот уровень реальности, который становится определяющим в эпоху цифровых коммуникаций.

Особенно показательной становится роль искусственного интеллекта как фактора, обнажающего несостоятельность старых дисциплин. ИИ не вписывается в классические категории субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, индивидуального и социального. Алгоритмические системы одновременно анализируют, моделируют и активно формируют социально-психические процессы, становясь полноценным участником массовой динамики. Традиционные гуманитарные дисциплины не располагают онтологическим языком для описания таких сущностей, что приводит либо к их технократической интерпретации, либо к морально-нормативному осуждению, не сопровождающемуся научным анализом.

Искусственный интеллект тем самым выполняет функцию своеобразного «онтологического маркера», указывающего на пределы классического гуманитарного мышления. Он делает очевидным, что социальная психика больше не может рассматриваться как сумма индивидуальных сознаний или как производная социальных структур. Взаимодействие человека, цифровой среды и алгоритмов формирует новый уровень реальности, обладающий собственной динамикой, законами и формами патологии. Старые дисциплины оказываются неспособными не потому, что они ошибочны, а потому, что их исходные предпосылки не включают данный уровень анализа.

В этом контексте становится ясно, что дальнейшее развитие гуманитарного знания требует не расширения существующих теорий, а пересмотра их онтологических оснований. Социальная психоинженерия, предлагаемая в настоящей монографии, исходит из признания социальной психики как самостоятельной, многоуровневой и динамической системы. Такой подход позволяет отказаться от редукционизма и рассматривать массовые социально-психические процессы как объект диагностики, моделирования и осознанного воздействия, аналогично тому, как клиническая психиатрия рассматривает индивидуальную психику.

Итоговый смысл Главы 1 заключается в последовательной фиксации границ классического гуманитарного знания. Фрагментация дисциплин, научная беспомощность перед массовыми процессами и иллюзия управляемости общества в XX веке оказываются проявлениями одного и того же методологического ядра, сформированного в иную историческую эпоху. В цифровых обществах это ядро перестаёт обеспечивать адекватное понимание реальности и, более того, становится фактором интеллектуального запаздывания.

Тем самым Глава 1 выполняет подготовительную функцию для всей последующей структуры монографии. Она не отрицает значения психологии, социологии, психиатрии или философии, но строго показывает пределы их применимости. Осознание этих пределов открывает возможность перехода к анализу социальной психики как реальности особого рода, что и станет предметом Главы 2, где будет заложено онтологическое основание социальной психоинженерии.

Литература

[1] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[2] Durkheim É. The Rules of Sociological Method. New York: Free Press, 1982.

[3] Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.

[4] Popper K. R. The Poverty of Historicism. London: Routledge, 1957.

[5] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[6] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[7] Foucault M. Power/Knowledge. New York: Pantheon Books, 1980.

[8] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

[9] Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Pearson, 2021.

[10] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

ГЛАВА 2. Социальная психика как реальность

2.1. Понятие социальной психики

Переход от критического анализа ограничений классического гуманитарного знания к формированию онтологии социальной психоинженерии требует введения базового понятия, без которого дальнейшее изложение лишилось бы методологической опоры. Таким понятием в рамках настоящей монографии является понятие социальной психики. Его введение не носит терминологического или метафорического характера, а отражает необходимость концептуализации объективно существующего уровня психической реальности, который до настоящего времени не был полноценно осмыслен в рамках существующих научных парадигм.

Под социальной психикой в данной работе понимается надындивидуальная, динамическая, самоорганизующаяся система психических процессов, состояний и структур, возникающая в результате устойчивого и массового взаимодействия индивидуальных сознаний в общем символическом, культурном и информационном пространстве. Речь идёт не о простой совокупности индивидуальных психик и не о статистическом агрегате психологических признаков, а о специфической форме психической организации, обладающей собственными закономерностями функционирования и развития.

Исторически гуманитарное знание неоднократно сталкивалось с феноменами, которые фактически указывали на существование социальной психики, однако не обладало языком и онтологическими основаниями для их системного описания. Коллективные эмоции, массовые страхи, энтузиазм, паника, идеологические увлечения, религиозные движения и революционные подъемы рассматривались либо как иррациональные отклонения от нормы, либо как побочные эффекты социальных условий. В рамках индивидуалистических моделей такие феномены сводились к заражению, подражанию или внушению, тогда как социологические подходы интерпретировали их преимущественно через призму социальных структур и институтов, оставляя без внимания их психическую специфику [1].

Принципиальным методологическим шагом является признание того, что психика может существовать не только в форме индивидуального субъективного опыта, но и в форме распределённых психических процессов, не локализованных в одном конкретном сознании. Подобное допущение не противоречит данным клинической психиатрии и психологии, но требует расширения их онтологического горизонта. Уже в начале XX века Карл Ясперс указывал на невозможность полного объяснения человеческого поведения без учёта смыслового и исторического контекста, выходящего за пределы индивидуального переживания [2]. Однако даже в экзистенциальной и феноменологической традициях социальное измерение психики чаще рассматривалось как фон, а не как самостоятельный объект анализа.

Социальная психика проявляется прежде всего в феноменах, которые невозможно адекватно объяснить, исходя исключительно из индивидуальных мотивов или черт личности. Массовые реакции на угрозу, формирование устойчивых коллективных идентичностей, синхронные изменения эмоционального фона в больших группах людей указывают на существование координированных психических процессов, которые не контролируются ни одним отдельным субъектом. Эти процессы обладают временной протяжённостью, инерцией и способностью к самовоспроизведению, что позволяет говорить о них как о реальных психических структурах.

Важно подчеркнуть, что социальная психика не существует вне индивидуальных сознаний так же, как индивидуальная психика не существует вне нейробиологических основ. Однако отношение между индивидуальной и социальной психикой не является отношением части и

целого в простом механистическом смысле. Социальная психика представляет собой уровень организации, на котором индивидуальные психические акты включаются в более широкие контуры смыслообразования, эмоциональной регуляции и поведенческой координации. В этом смысле социальная психика функционально аналогична таким надындивидуальным системам, как язык или культура, но при этом обладает более выраженной динамической и аффективной компонентой.

С клинико-психиатрической точки зрения признание социальной психики имеет принципиальное значение для понимания распространённых в XXI веке форм психической дезадаптации. Рост тревожных и депрессивных состояний, феномены выгорания, ощущение утраты идентичности и хронического стресса невозможно объяснить исключительно индивидуальными факторами или биологической уязвимостью. МКБ-10/11 прямо указывают на роль социальных и культурных контекстов в формировании и поддержании психических расстройств, однако при этом не рассматривают саму социальную среду как активный психический фактор, обладающий собственной динамикой [3]. Введение понятия социальной психики позволяет устранить это методологическое противоречие.

Особую актуальность понятие социальной психики приобретает в условиях цифровых обществ. Цифровые коммуникации создают плотное, непрерывное поле психических взаимодействий, в котором индивидуальные переживания мгновенно отражаются, усиливаются и трансформируются в массовые эмоциональные и когнитивные паттерны. Алгоритмическое посредничество усиливает эти процессы, придавая социальной психике черты относительной автономии по отношению к отдельным субъектам. Именно здесь становится особенно очевидно, что мы имеем дело не с метафорой, а с объективной формой психической реальности, требующей научного описания.

Таким образом, понятие социальной психики вводится в настоящей монографии как фундаментальное онтологическое основание социальной психоинженерии. Оно позволяет преодолеть редукционизм классических дисциплин и сформировать целостную модель психики социума, в которой индивидуальное, коллективное и технологическое измерения рассматриваются в их неразрывном взаимодействии.

Продолжая развёртывание понятия социальной психики, необходимо провести его строгую дифференциацию от ряда близких, но онтологически и методологически отличных понятий, широко используемых в гуманитарных и психологических науках. Отсутствие такого разграничения являлось одной из причин концептуальной путаницы, препятствовавшей признанию социальной психики как самостоятельной реальности.

Прежде всего, понятие социальной психики не тождественно понятию массового сознания. Массовое сознание традиционно описывает совокупность представлений, установок и мнений, доминирующих в определённой социальной группе или обществе в конкретный исторический момент. Оно носит преимущественно когнитивный и идеологический характер и чаще всего фиксируется через содержание убеждений, ценностей и мнений. Социальная психика, напротив, включает не только когнитивные компоненты, но и аффективные, мотивационные и динамические процессы, которые зачастую не осознаются самими носителями. Массовое сознание является одним из проявлений социальной психики, но не исчерпывает её содержания.

Не совпадает понятие социальной психики и с понятием коллективного бессознательного, введённым в аналитической психологии. Коллективное бессознательное указывает на универсальные, архетипические структуры психики, наследуемые и относительно стабильные во времени. Социальная психика, в отличие от этого, исторически изменчива, контекстуальна и чувствительна к конкретным социальным, культурным и технологическим условиям. Она формируется и трансформируется в ходе реального взаимодействия людей и потому не может

быть сведена к глубинным, трансиндивидуальным структурам психики, существующим вне конкретных социальных процессов [4].

От понятий «общественное мнение» и «социальные настроения» социальная психика отличается принципиально более широким охватом. Эти понятия описывают, как правило, поверхностные и относительно краткосрочные срезы психической жизни общества, фиксируемые через опросы, медиадискурс или поведенческие индикаторы. Социальная психика же включает в себя и долговременные психические структуры — коллективные травмы, устойчивые страхи, базовые установки доверия или недоверия, формы идентичности, которые могут сохраняться на протяжении поколений и воспроизводиться независимо от текущей ситуации.

Осознание данных различий позволяет перейти к рассмотрению возможных возражений против признания социальной психики в качестве онтологически реального объекта. Наиболее распространённым возражением является утверждение о том, что всякая психика по определению является индивидуальной и субъективной, а потому не может существовать вне конкретного сознания. Данное возражение основано на отождествлении психики с субъективным переживанием и игнорирует тот факт, что уже в индивидуальной психологии давно признано существование неосознаваемых, распределённых и опосредованных форм психической активности. Если психические процессы могут протекать вне поля сознательного контроля индивида, то тем более они могут реализовываться на надындивидуальном уровне через системы коммуникации, символы и коллективные практики [5].

Другим типичным возражением является аргумент о метафоричности термина «социальная психика». С точки зрения данного подхода, все описания коллективных психических процессов следует понимать исключительно как эвристические модели, не обладающие онтологическим статусом. Однако подобная позиция сама по себе является философским допущением, а не эмпирически обоснованным фактом. Онтологический статус объекта определяется не его локализацией, а наличием устойчивых, воспроизводимых и операционализируемых эффектов. Если определённая совокупность процессов демонстрирует собственную динамику, закономерности изменения и причинное влияние на наблюдаемые феномены, она вправе рассматриваться как реальный объект научного анализа.

В этом контексте возможно сформулировать основные онтологические критерии реальности социальной психики. Во-первых, социальная психика обладает относительной автономией по отношению к индивидуальным психическим состояниям: она сохраняет свои структуры и динамику, несмотря на смену отдельных субъектов. Во-вторых, она проявляет причинную эффективность, воздействуя на поведение, эмоциональные реакции и формы мышления индивидов. В-третьих, она демонстрирует историческую протяжённость, включая механизмы памяти, травмы и трансгенерационной передачи. В-четвёртых, её динамика поддаётся эмпирическому наблюдению и моделированию, особенно в условиях цифровых обществ, где массовые психические процессы фиксируются в виде поведенческих и коммуникативных данных [6].

С клинико-психиатрической точки зрения признание социальной психики позволяет по-новому взглянуть на феномены, традиционно рассматриваемые как «фоновый» контекст индивидуальных расстройств. Коллективная тревожность, социальная фрустрация, атмосфера хронического стресса и недоверия формируют психическое поле, в котором индивидуальные уязвимости актуализируются и закрепляются. МКБ-10/11, подчёркивая роль психосоциальных факторов, фактически указывают на существование данного уровня реальности, хотя и не концептуализируют его напрямую [7]. Введение понятия социальной психики устраняет этот разрыв между клиническим наблюдением и теоретическим осмыслением.

Таким образом, социальная психика в рамках настоящей монографии рассматривается не как абстракция или метафора, а как реальный уровень психической организации, обладающий собственной структурой, динамикой и закономерностями. Признание этого уровня

является необходимым условием для перехода от описания социальных процессов к их диагностике и инженерному воздействию. Подглава 2.1 тем самым закладывает фундамент всей последующей онтологии социальной психоинженерии. Проведённый анализ подводит к следующему логическому шагу — рассмотрению соотношения социальной психики и индивидуального сознания, что станет предметом подглавы 2.2.

Литература

[1] Durkheim É. The Elementary Forms of Religious Life. New York: Free Press, 1995.

[2] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[3] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[4] Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. Princeton: Princeton University Press, 1981.

[5] Freud S. The Ego and the Id. London: Hogarth Press, 1923.

[6] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

[7] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[8] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

2.2. Социальная психика и индивидуальное сознание

После введения понятия социальной психики как самостоятельного уровня психической реальности возникает методологически неизбежный вопрос о её соотношении с индивидуальным сознанием. Данный вопрос является центральным не только для онтологии социальной психоинженерии, но и для всей системы гуманитарного знания, поскольку именно в этом месте традиционно возникают редукционистские искажения. Либо социальное полностью сводится к индивидуальному, либо индивидуальное растворяется в коллективном. Оба подхода приводят к утрате объяснительной силы и клинической адекватности.

Индивидуальное сознание в классической психологии и психиатрии рассматривается как носитель психических функций, опыта, смыслов и переживаний, локализованных в пределах конкретного субъекта. Оно обладает биографической непрерывностью, телесной укоренённостью и нейробиологической опорой. Социальная психика, как было показано в предыдущей подглаве, не обладает сознанием в феноменологическом смысле, однако это не означает, что она лишена психической активности. Социальная психика действует иначе: она структурирует, направляет, усиливает и искажает индивидуальные психические процессы, не переживая их «изнутри», но определяя условия их протекания.

Принципиально важно подчеркнуть, что социальная психика не является надстроенной сущностью, навязываемой индивидуальному сознанию извне. Напротив, она формируется и существует исключительно через индивидуальные сознания, но при этом не сводится к их простой сумме. Это отношение следует понимать как отношение уровней организации, а не как отношение причины и следствия или части и целого в механистическом смысле. Аналогично тому, как сознание не сводится к отдельным нейронным процессам, но не существует вне них, социальная психика не существует вне индивидуальных сознаний, но обладает собственной логикой, динамикой и эффектами.

Индивидуальное сознание всегда изначально социально опосредовано. Язык, базовые категории мышления, эмоциональные коды, нормы интерпретации опыта усваиваются человеком в процессе социализации задолго до формирования зрелой рефлексии. Уже на ранних этапах развития психики социальное присутствует не как внешний фактор, а как внутренняя структура переживания. Однако по мере формирования автономного «Я» возникает иллюзия изолированности индивидуального сознания, которая лишь усиливается в рамках индивидуалистических культур и психологических теорий.

Социальная психика в этом контексте может быть описана как среда психического существования индивидуального сознания, подобно тому как атмосфера является средой существования дыхания. Она определяет диапазон допустимых смыслов, эмоциональных реакций и форм поведения, зачастую не осознаваясь субъектом. Именно поэтому многие индивидуальные решения, переживания и установки воспринимаются человеком как «свои», хотя фактически они являются производными доминирующих социальных нарративов, коллективных тревог или культурно санкционированных способов интерпретации реальности.

С клинико-психиатрической точки зрения данное соотношение имеет принципиальное значение. В практике психиатрии и психотерапии нередко наблюдается ситуация, при которой индивидуальные симптомы — тревога, депрессия, агрессивность, чувство утраты смысла — не могут быть адекватно объяснены исходя из биографии пациента или его личностных особенностей. В таких случаях очевидно, что симптоматика формируется на фоне определённого социально-психического поля, которое поддерживает и усиливает индивидуальную уязвимость. МКБ-10/11 фиксируют роль психосоциальных факторов, однако не предлагают концептуального языка для описания их системного воздействия [1].

Особенно отчётливо это проявляется в феноменах массовой тревоги и депрессивного фона, характерных для современных обществ. Индивид может не иметь объективных причин для выраженной тревоги или отчаяния, однако испытывать их как устойчивое состояние, поскольку находится в поле коллективного напряжения, постоянно транслируемого через медиа, социальные сети и повседневные коммуникации. В этом случае социальная психика выступает не как внешний стрессор, а как активный модификатор индивидуального психического состояния.

Следует также отметить асимметрию влияния между социальной психикой и индивидуальным сознанием. В нормальных условиях социальная психика оказывает существенно большее воздействие на индивида, чем отдельный индивид — на социальную психику. Однако в критические моменты, при определённой конфигурации условий, индивидуальные психические акты могут становиться триггерами масштабных социальных процессов. Такие эффекты наблюдаются в ситуациях харизматического лидерства, символических событий или резонансных травм, когда индивидуальное высказывание или действие запускает цепь массовых психических реакций. Это указывает на нелинейный характер взаимодействия между уровнями.

Признание данного взаимодействия позволяет отказаться от ложной дихотомии «индивидуальное — социальное» и перейти к системному пониманию психической реальности. Индивидуальное сознание и социальная психика не являются конкурентными объяснительными моделями, а образуют единый континуум психической организации, в котором изменения на одном уровне неизбежно отражаются на другом. Именно это обстоятельство делает возможной социальную психоинженерию как область, работающую не против индивидуальной психики, а через неё, учитывая её включённость в более широкие психические системы.

Продолжая анализ соотношения социальной психики и индивидуального сознания, необходимо обратиться к механизмам, посредством которых эти уровни психической реальности находятся в постоянном взаимодействии. Ключевыми среди них являются процессы интериоризации и экстериоризации, описывающие двустороннее движение психических содержаний между индивидуальным и надындивидуальным уровнями. Интериоризация представляет

собой процесс присвоения и внутреннего освоения социальных форм опыта, тогда как экстериоризация выражается в вынесении индивидуальных психических состояний и смыслов во внешнее, социально доступное пространство.

В ходе интериоризации социальная психика «входит» в структуру индивидуального сознания не в виде прямых предписаний, а через язык, символы, образы и нарративы, которые постепенно становятся частью субъективного переживания. Человек усваивает способы эмоционального реагирования, интерпретации событий и самооценки, не осознавая их социального происхождения. Эти усвоенные формы переживания воспринимаются как естественные и личные, хотя фактически они отражают доминирующие в обществе психические конфигурации. Именно через интериоризацию социальная психика приобретает устойчивость и воспроизводимость, не нуждаясь в постоянном внешнем принуждении [2].

Экстериоризация, в свою очередь, обеспечивает обратное влияние индивидуального сознания на социальную психику. Индивидуальные высказывания, поступки, эмоциональные реакции, будучи включёнными в коммуникационные сети, становятся элементами коллективного психического процесса. Однако данный механизм носит избирательный характер: лишь те индивидуальные проявления, которые резонируют с уже существующими структурами социальной психики, получают распространение и усиливаются. Это объясняет, почему большинство индивидуальных мыслей и чувств не оказывают заметного социального эффекта, тогда как отдельные высказывания или действия способны запускать масштабные массовые реакции.

Роль языка и нарратива в этом взаимодействии является принципиальной. Язык выступает не просто как средство передачи информации, но как фундаментальная форма организации психической реальности. Через языковые конструкции фиксируются границы допустимого мышления, эмоциональные акценты и способы интерпретации опыта. Нарративы, в свою очередь, структурируют коллективное и индивидуальное понимание прошлого, настоящего и будущего, задавая устойчивые схемы смысла. В этом контексте социальная психика может рассматриваться как совокупность доминирующих нарративов и языковых форм, которые направляют индивидуальное сознание, зачастую незаметно для него [3].

С клинико-психиатрической точки зрения данные механизмы имеют прямые диагностические и терапевтические следствия. Индивидуальные симптомы нередко оказываются вторичными по отношению к социально навязанным нарративам, формирующим переживание беспомощности, угрозы или утраты смысла. В таких случаях терапевтическая работа, сосредоточенная исключительно на индивидуальном уровне, демонстрирует ограниченную эффективность. Осознание социально-психического контекста симптоматики позволяет по-новому подойти к диагностике, рассматривая пациента не как изолированный объект, а как участника более широкой психической системы [4].

МКБ-10/11, подчёркивая значение психосоциальных стрессоров и факторов среды, фактически фиксируют необходимость подобного подхода, однако не предлагают концептуального инструментария для его реализации. Диагностические категории остаются ориентированными на индивидуального субъекта, в то время как социальная психика продолжает рассматриваться лишь как фон. Введение данного уровня анализа открывает возможность для более точной дифференциации между первичной индивидуальной психопатологией и вторичными реакциями на патологическое состояние социума [5].

Важным аспектом является вопрос границ автономии индивидуального сознания. Признание социальной психики не означает отрицания свободы и ответственности субъекта. Речь идёт не об устранении индивидуальной автономии, а о её реальном, а не абстрактном понимании. Автономия индивидуального сознания всегда относительна и контекстуальна; она реализуется в пределах тех психических и символических структур, которые предлагает социальная среда. Осознанность этих ограничений, напротив, расширяет пространство индивидуального

выбора, позволяя субъекту критически относиться к навязываемым нарративам и эмоциональным реакциям.

В этом смысле социальная психоинженерия не противостоит индивидуальной психологии, а дополняет её, создавая условия для более осмысленного взаимодействия человека с социальной реальностью. Понимание механизмов интериоризации и экстериоризации, роли языка и нарратива, а также клинических следствий взаимодействия уровней психики позволяет перейти от стихийного влияния социальной среды к более ответственному и этически осмысленному проектированию социальных процессов.

Подглава 2.2 тем самым завершает концептуальное описание связи между индивидуальным сознанием и социальной психикой, подготавливая основу для анализа надындивидуальных психических образований, которые будут рассмотрены в подглаве 2.3.

Литература

[1] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[2] Vygotsky L. S. Mind in Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.

[3] Ricoeur P. Time and Narrative. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

[4] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[5] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[6] Foucault M. Power/Knowledge. New York: Pantheon Books, 1980.

[7] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

2.3. Надындивидуальные психические образования

Переход от анализа взаимодействия социальной психики и индивидуального сознания к рассмотрению надындивидуальных психических образований представляет собой логический и методологический следующий шаг. Если в предыдущих подглавах социальная психика рассматривалась как динамическое поле и уровень организации психической реальности, то теперь она должна быть описана через формы своей стабилизации. Именно надындивидуальные психические образования обеспечивают относительную устойчивость социальной психики, её воспроизводимость во времени и способность оказывать длительное воздействие на индивидуальные сознания.

Под надындивидуальными психическими образованиями в рамках настоящей монографии понимаются устойчивые, воспроизводимые психические структуры, не локализованные в пределах одного субъекта, но проявляющиеся через совокупность индивидуальных сознаний и практик. Эти образования обладают собственной инерцией, внутренней логикой и сопротивлением изменениям, что позволяет рассматривать их как реальных носителей социально-психической динамики. Речь идёт не об абстрактных конструкциях, а о формах психической реальности, наблюдаемых в истории, культуре и клинической практике.

Исторически гуманитарное знание неоднократно сталкивалось с подобными феноменами, однако не располагало единой рамкой для их описания. Коллективные верования, идеологические системы, религиозные символы, мифы, устойчивые стереотипы и образы врага рассматривались либо как элементы культуры, либо как социальные институты, либо как проявления индивидуальной психологии. В результате их психическая специфика оставалась

рассеянной между дисциплинами. Концепция надындивидуальных психических образований позволяет объединить эти феномены в рамках единого уровня анализа.

Принципиальным признаком надындивидуальных психических образований является их независимость от конкретных носителей. Они могут сохраняться при смене поколений, трансформироваться в новых исторических условиях и воспроизводиться даже тогда, когда отдельные индивиды не обладают рефлексивным знанием об их происхождении. Коллективные страхи, травмы и базовые формы идентичности нередко переживаются как «естественные» или «самоочевидные», хотя фактически они являются результатом длительных социально-психических процессов. Именно эта незаметность и встроенность делает надындивидуальные образования особенно устойчивыми.

С клинической точки зрения существование надындивидуальных психических образований проявляется в повторяемости схожих симптоматических паттернов у разных людей, принадлежащих к одному социальному контексту. Пациенты, не связанные личной биографией, могут демонстрировать сходные формы тревоги, ощущения угрозы, утраты доверия или экзистенциальной пустоты. Такие сходства часто не объясняются индивидуальными факторами риска и указывают на воздействие общего психического фона, сформированного устойчивыми надындивидуальными структурами. МКБ-10/11, фиксируя роль культурного и социального контекста, косвенно указывают на данный уровень реальности, хотя и не концептуализируют его напрямую [1].

Важным свойством надындивидуальных психических образований является их способность к самовоспроизведению через коммуникацию. Язык, медиа, ритуалы, образовательные практики и цифровые платформы служат каналами передачи и обновления этих структур. При этом передаётся не просто информация, а определённый эмоционально-смысловой код, который активируется в индивидуальном сознании и затем вновь экстериоризируется. Таким образом, надындивидуальные образования функционируют как своеобразные психические матрицы, в рамках которых индивидуальные переживания обретают форму и направленность.

Следует подчеркнуть, что надындивидуальные психические образования не обязательно носят патологический характер. Они могут выполнять адаптивные функции, обеспечивая сплочённость, устойчивость и смысловую интеграцию общества. Однако в условиях хронического стресса, травматических исторических событий или разрушения традиционных структур эти образования могут трансформироваться в источники дезадаптации. Коллективная паранойя, постоянное ожидание угрозы, культ жертвы или образ вечного врага являются примерами надындивидуальных психических структур, способных поддерживать и усиливать индивидуальную психопатологию.

Онтологическое признание надындивидуальных психических образований позволяет отказаться от ложной альтернативы между «психологическим» и «социальным» объяснением. Эти образования принадлежат психической реальности, но не исчерпываются субъективным опытом. Они действуют как посредники между индивидуальным сознанием и социальной психикой в целом, обеспечивая стабильность и направленность социально-психических процессов.

На данном этапе анализа становится очевидным, что без учёта надындивидуальных психических образований невозможно ни диагностика состояния социума, ни проектирование социальных интервенций. Именно они выступают основными носителями инерции социальной психики и ключевыми точками приложения социальной психоинженерии. Их дальнейшая типология, динамика формирования и роль в структуре общества будут рассмотрены по мере продвижения монографии.

Развёртывая понятие надындивидуальных психических образований, необходимо перейти к их типологическому описанию. Типология в данном контексте не носит классификационного характера в строгом статистическом смысле, а выполняет онтологическую функцию,

позволяя различить устойчивые формы социальной психики по их происхождению, структуре и способу воздействия на индивидуальное сознание. Надындивидуальные психические образования могут быть различены прежде всего по доминирующему психическому компоненту — аффективному, когнитивному или идентификационному, хотя в реальности они почти всегда представлены в смешанном виде.

Первую и наиболее фундаментальную группу образуют коллективные аффективные образования. К ним относятся устойчивые формы коллективной тревоги, страха, вины, стыда или агрессии, которые не сводимы к сумме индивидуальных эмоций. Эти состояния обладают характерной для психических процессов инерцией, могут поддерживаться десятилетиями и нередко переживаются субъектами как «нормальный фон» существования. Их источником часто выступают исторические травмы, повторяющиеся кризисы или хроническое ощущение угрозы. Именно аффективные надындивидуальные образования лежат в основе массовых паник, иррациональных страхов и вспышек коллективного насилия, что делает их критически важным объектом анализа в социальной психиатрии [2].

Вторую группу составляют когнитивно-нарративные образования, в рамках которых социальная психика стабилизируется через устойчивые способы интерпретации реальности. Речь идёт о коллективных мифах, идеологических схемах, образах будущего и представлениях о прошлом, которые формируют когнитивный каркас восприятия событий. Эти образования не обязательно ложны в содержательном смысле; их определяющим свойством является не истинность или ложность, а психическая функция — снижение неопределённости, структурирование хаотического опыта и обеспечение чувства смысловой непрерывности. Через такие нарративы индивидуальное сознание получает готовые шаблоны интерпретации, что существенно снижает потребность в личной рефлексии.

Особое место среди надындивидуальных психических образований занимают структуры коллективной идентичности. Они отвечают за формирование устойчивого чувства «мы» и определение границ между «своими» и «чужими». Коллективная идентичность включает в себя эмоциональные, ценностные и символические компоненты и может сохраняться даже при радикальном изменении внешних социальных условий. С клинической точки зрения деформации коллективной идентичности проявляются в виде параноидных установок, тотального недоверия, обесценивания индивидуального опыта и склонности к авторитарным формам мышления. Эти феномены не укладываются в рамки индивидуальной психопатологии, однако оказывают мощное влияние на психическое здоровье отдельных субъектов [3].

Связь надындивидуальных психических образований с историей и социальной памятью является принципиальной. Коллективная память не представляет собой простую сумму индивидуальных воспоминаний; она является психической структурой, организующей отношение общества к прошлому. Через механизмы селективного запоминания, вытеснения и символической репрезентации формируются устойчивые образы исторических событий, которые продолжают оказывать воздействие на современную психику. Коллективные травмы, такие как войны, репрессии или масштабные социальные катастрофы, закрепляются не только в культурных артефактах, но и в надындивидуальных психических образованиях, определяя фон тревожности и ожидания угрозы у последующих поколений [4].

С точки зрения социальной психопатологии надындивидуальные психические образования могут приобретать деструктивный характер. Патологизация происходит в тех случаях, когда данные структуры утрачивают адаптивную функцию и начинают систематически искажать восприятие реальности, ограничивать поведенческий репертуар и поддерживать хроническое психическое напряжение. Примерами подобных патологических форм являются устойчивые образы врага, культивирование жертвенности, хроническое чувство унижения или убеждённость в тотальной враждебности окружающего мира. Эти образования поддерживают

и усиливают индивидуальные тревожные, депрессивные и параноидные состояния, не будучи при этом отражёнными в стандартных диагностических классификациях [5].

Проблема диагностики надындивидуальных психических образований является одной из наиболее сложных и методологически значимых. В отличие от индивидуальных психических расстройств, они не могут быть диагностированы через интервью с отдельным пациентом или стандартные психометрические шкалы. Их выявление требует анализа совокупных индикаторов: массовых поведенческих паттернов, доминирующих нарративов, эмоционального тона публичной коммуникации, а также данных цифровой активности. В этом смысле социальная диагностика, разрабатываемая в рамках социальной психоинженерии, представляет собой принципиально новый уровень клинико-аналитического подхода, дополняющий, но не подменяющий индивидуальную психиатрическую практику.

МКБ-10/11, несмотря на ориентацию на индивидуальную диагностику, косвенно подтверждают необходимость анализа надындивидуальных факторов, указывая на роль культурного контекста, стрессогенных социальных условий и коллективных событий в развитии психических расстройств. Однако отсутствие понятийного аппарата для описания самих надындивидуальных образований создаёт методологический разрыв между клиническим наблюдением и социальным анализом [6]. Заполнение этого разрыва является одной из ключевых задач социальной психоинженерии.

Таким образом, надындивидуальные психические образования представляют собой устойчивые формы существования социальной психики, обеспечивающие её историческую протяжённость и функциональную целостность. Они служат основными носителями как адаптивных, так и деструктивных процессов в психике социума. Признание их онтологической реальности и разработка инструментов их анализа создают основу для перехода от описательного понимания общества к его системной диагностике и осознанному воздействию.

Литература

[1] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[2] Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. London: T. Fisher Unwin, 1895.

[3] Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In: Austin W. G., Worchel S. (eds.). The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey: Brooks/Cole, 1979.

[4] Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

[5] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[6] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[7] Foucault M. Power/Knowledge. New York: Pantheon Books, 1980.

[8] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

2.4. Общество как психическая система

После последовательного введения понятий социальной психики, её соотношения с индивидуальным сознанием и анализа надындивидуальных психических образований становится возможным и методологически оправданным следующий шаг — рассмотрение общества как целостной психической системы. Такой шаг означает отказ от фрагментарного описания

социальных и психических явлений и переход к системному уровню анализа, на котором общество предстает не только как совокупность институтов, коммуникаций и индивидов, но как организованное психическое целое, обладающее собственной структурой, динамикой и закономерностями функционирования.

Под психической системой в данном контексте понимается устойчиво воспроизводимая совокупность взаимосвязанных психических процессов, уровней и образований, образующих целостность, способную к саморегуляции, адаптации и историческому развитию. Рассмотрение общества в качестве такой системы не является метафорой или риторическим приёмом; оно опирается на эмпирически наблюдаемые эффекты, включая согласованность массовых реакций, устойчивость коллективных состояний и предсказуемость определённых форм социальной динамики в сходных условиях.

Классические социологические и философские модели, несмотря на использование термина «система», как правило, оперировали структурными и функциональными элементами — институтами, нормами, ролями, экономическими и политическими процессами. Психическая составляющая при этом либо редуцировалась, либо рассматривалась как вторичная. В предлагаемой же модели психическое не является производным от социальных структур, а образует внутренний системообразующий слой, через который любые институциональные и культурные элементы обретают реальную силу воздействия. Институты существуют и функционируют постольку, поскольку они включены в психическую систему общества и поддерживаются соответствующими надындивидуальными образованиями.

Рассмотрение общества как психической системы предполагает наличие в нём уровневой организации. Индивидуальные сознания образуют базовый уровень, на котором реализуются субъективные переживания, мотивации и поведенческие акты. Надындивидуальные психические образования формируют промежуточные уровни, стабилизируя и направляя психическую динамику. Социальная психика в целом выступает как интегративный уровень, обеспечивающий целостность системы и её историческую непрерывность. Эти уровни не существуют изолированно, а находятся в постоянном взаимодействии, формируя сложные контуры обратной связи.

Системность общества как психической реальности проявляется прежде всего в его способности к самоподдержанию и инерции. Коллективные установки, эмоциональные фоны и базовые нарративы обладают тенденцией к воспроизводству даже при изменении внешних условий. Это объясняет устойчивость социальных паттернов, которые сохраняются вопреки рациональным аргументам или административным мерам. Подобные эффекты невозможно адекватно интерпретировать вне системного подхода, поскольку они не являются результатом сознательного выбора отдельных индивидов.

Другим фундаментальным признаком психической системы общества является наличие контуров регуляции. Общество способно частично компенсировать внутренние напряжения через символические, культурные и институциональные механизмы. Ритуалы, идеологии, формы публичного выражения эмоций, а также цифровые каналы коммуникации выполняют регуляторную функцию, перераспределяя психическое напряжение и предотвращая деструктивные разряды. Однако при нарушении этих контуров или при их перегрузке система утрачивает способность к саморегуляции, что проявляется в виде социальных кризисов, массовых паник или вспышек насилия [1].

С клинико-психиатрической точки зрения рассмотрение общества как психической системы позволяет по-новому интерпретировать феномены массовой дезадаптации. Рост тревожных и депрессивных расстройств, увеличение числа психосоматических симптомов и ощущение утраты смысла могут рассматриваться как признаки дисфункции психической системы социума, а не исключительно как индивидуальные патологии. МКБ-10/11 фиксируют роль социальных факторов в патогенезе психических расстройств, однако системная перспектива

позволяет объединить эти наблюдения в целостную модель, где индивидуальные симптомы выступают индикаторами состояния всей системы [2].

Важно подчеркнуть, что признание общества психической системой не означает его антропоморфизации. Речь не идёт о наделении общества сознанием или волей в человеческом смысле. Психическая системность здесь понимается функционально: общество демонстрирует свойства, аналогичные свойствам сложных психических систем — интеграцию, иерархичность, адаптацию, а также возможность системных сбоев. Такой подход позволяет избежать как наивного холизма, так и индивидуалистского редукционизма.

В условиях цифровых обществ психическая системность общества становится особенно очевидной. Масштаб и скорость коммуникаций, алгоритмическое усиление эмоций и смыслов, а также постоянная обратная связь между индивидуальными реакциями и коллективной динамикой формируют новую конфигурацию социальной психики. В этих условиях общество как психическая система приобретает повышенную чувствительность к малым воздействиям, что увеличивает как потенциал адаптации, так и риски системных кризисов.

Продолжая системный анализ, необходимо перейти к рассмотрению структурных элементов психической системы общества, без понимания которых сама идея системности оставалась бы декларативной. Психическая система общества не является аморфной совокупностью состояний; она организована вокруг относительно устойчивых компонентов, выполняющих различные функции в поддержании целостности и динамики. К таким элементам относятся устойчивые эмоциональные фоны, доминирующие нарративы, структуры коллективной идентичности, символические репрезентации власти и угрозы, а также механизмы переработки социального опыта.

Эмоциональные фоны выполняют роль энергетического основания системы. Уровень коллективной тревоги, ощущение безопасности или небезопасности, доминирующее настроение надежды либо безысходности определяют общий «тон» психической системы, в пределах которого разворачиваются более сложные когнитивные и поведенческие процессы. Эти фоны редко осознаются как таковые, но именно они определяют чувствительность общества к тем или иным стимулам. Повышенный фон тревоги, например, делает систему склонной к параноидным интерпретациям событий и усиливает готовность к поиску врагов, тогда как фоновое чувство стабильности способствует рациональной обработке информации и большей толерантности к неопределённости.

Нарративные структуры образуют смысловой каркас психической системы общества. Через них организуется коллективное понимание прошлого, настоящего и будущего, а также объясняются причины происходящих событий. Нарративы обладают выраженной селективностью: они выделяют одни элементы реальности и вытесняют другие, формируя специфическую «картину мира». В системном плане нарративы выполняют регуляторную функцию, снижая уровень хаоса и неопределённости. Однако при их догматизации или разрыве с реальностью они становятся источником системных искажений и дезадаптации.

Структуры коллективной идентичности служат стабилизирующим ядром системы, определяя границы принадлежности и распределение лояльности. Они обеспечивают координацию поведения и эмоциональную сплочённость, но одновременно создают потенциал для конфликтов и радикализации. Внутри психической системы общества идентичности действуют как относительно жёсткие элементы, обладающие высокой инерцией и сопротивлением изменениям. Их резкая деформация или утрата приводит к системным кризисам, сопровождающимся ощущением распада, потери смысла и ростом тревожных и агрессивных реакций.

Важнейшим свойством психической системы общества является её способность к устойчивости и адаптации. Устойчивость обеспечивается за счёт избыточности структур, множественности каналов регуляции и способности перераспределять психическое напряжение. Общество как психическая система редко разрушается мгновенно; чаще оно длительное время

компенсирует внутренние противоречия, накапливая скрытое напряжение. Адаптация проявляется в способности системы модифицировать свои нарративы, эмоциональные фоны и идентичности в ответ на внешние и внутренние вызовы, сохраняя при этом базовую целостность.

Однако у этой способности существуют пределы. Системные сбои возникают в тех случаях, когда напряжение превышает адаптационный потенциал, либо когда ключевые регуляторные элементы оказываются повреждёнными. Такие сбои могут принимать форму массовых паник, резких идеологических сдвигов, всплесков насилия, тотальной апатии или утраты доверия к базовым институтам. С психиатрической точки зрения эти явления сопоставимы с декомпенсацией в сложных психических системах, где утрачивается способность к саморегуляции и интеграции.

Особое значение для понимания системных сбоев имеет феномен накопленной коллективной травмы. Травматические события, не получившие адекватной символической и эмоциональной переработки, сохраняются в психической системе в виде устойчивых очагов напряжения. Эти очаги могут длительное время оставаться латентными, однако при определённых условиях активируются, резко снижая порог устойчивости всей системы. Подобные процессы объясняют повторяемость кризисных сценариев в обществах с неотрефлексированным травматическим прошлым.

Диагностические следствия рассмотрения общества как психической системы заключаются в возможности перехода от фрагментарных наблюдений к интегральной оценке состояния социума. Индивидуальные психические симптомы, статистика обращаемости за психиатрической помощью, содержание публичных нарративов, эмоциональный тон медиапространства и поведенческие паттерны в цифровых средах могут рассматриваться как взаимосвязанные индикаторы состояния единой системы. Такой подход не подменяет клиническую диагностику, но дополняет её, позволяя выявлять системные причины индивидуальной дезадаптации.

Прогностические возможности системного подхода связаны с выявлением критических зон напряжения и оценкой динамики адаптационных ресурсов. Анализ изменений эмоциональных фонов, трансформации нарративов и деформаций идентичности позволяет с определённой вероятностью прогнозировать возникновение кризисных состояний задолго до их манифестации. В условиях цифровых обществ, где психическая динамика фиксируется в реальном времени, данные возможности приобретают особую значимость и открывают перспективу для превентивных интервенций.

Литература

[1] Parsons T. The Social System. New York: Free Press, 1951.

[2] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[3] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[4] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[5] Luhmann N. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995.

[6] Foucault M. Power/Knowledge. New York: Pantheon Books, 1980.

[7] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

[8] Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

[9] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

ГЛАВА 3. Онтология социальной психоинженерии

3.1. Что существует в социально-психической реальности

Переход к онтологии социальной психоинженерии требует принципиально иного уровня строгости по сравнению с описательными и интерпретативными моделями, традиционно используемыми в гуманитарных науках. Если социальная психоинженерия претендует на статус самостоятельной научной и прикладной дисциплины, она обязана ясно и недвусмысленно определить, какие сущности считаются реально существующими в социально-психическом пространстве и, следовательно, подлежащими анализу, диагностике и воздействию. Без этого любые попытки проектирования или управления оказываются методологически несостоятельными и неизбежно скатываются к метафорике либо идеологии.

Классическая философская онтология длительное время противопоставляла психическое и социальное, субъективное и объективное, внутреннее и внешнее. Психология концентрировалась на индивидуальном опыте, социология — на структурах и институтах, философия — на абстрактных категориях бытия. Социальная психоинженерия исходит из иного исходного положения: социально-психическая реальность является особым уровнем бытия, не сводимым ни к индивидуальному сознанию, ни к формальным социальным структурам, но при этом обладающим собственными закономерностями существования.

В социально-психической реальности существуют не только люди и их индивидуальные психики. В ней существуют надындивидуальные психические образования, устойчивые эмоциональные состояния сообществ, коллективные установки, доминирующие нарративы, ожидания, страхи, образы будущего, символические конструкции власти и угрозы. Эти образования не являются простыми суммами индивидуальных состояний; они обладают относительной автономией, способностью к воспроизводству и сопротивлением изменениям, что делает их сопоставимыми с реальностями, изучаемыми в клинической психиатрии и системной теории [1].

Существенным шагом является признание того, что социально-психические сущности обладают онтологическим статусом, а не сводятся к эпифеноменам. Коллективная тревога, например, существует независимо от того, осознаёт ли её каждый отдельный индивид. Более того, она способна оказывать детерминирующее воздействие на индивидуальное поведение, когнитивную интерпретацию событий и телесные реакции. С точки зрения клинической логики это соответствует модели, в которой психическое состояние системы влияет на симптомы отдельных её элементов, а не наоборот.

Онтологическая специфика социально-психической реальности проявляется также в её распределённости. В отличие от индивидуальной психики, локализованной в конкретном организме, социально-психические образования распределены между людьми, знаковыми системами, медиасредами, институциональными практиками и цифровыми платформами. Они не имеют единой точки локализации, но при этом сохраняют целостность за счёт постоянной циркуляции и воспроизводства. Такой тип существования требует отказа от линейных причинно-следственных моделей и перехода к полевой и системной онтологии.

Следующим ключевым элементом онтологии является признание существования социально-психических процессов, а не только состояний. В социально-психической реальности постоянно происходят процессы формирования, усиления, ослабления и трансформации смыслов, эмоций и идентичностей. Эти процессы разворачиваются во времени, обладают определённой динамикой и подчиняются закономерностям, которые могут быть выявлены эмпи-

рически. При этом они не обязательно совпадают с экономическими или политическими циклами, что объясняет частые расхождения между объективными показателями и субъективным переживанием социальной реальности.

Важно подчеркнуть, что в социально-психической реальности существуют также потенциальные состояния, которые ещё не проявились в явном виде, но уже присутствуют в системе в форме латентного напряжения. Такие состояния аналогичны продромальным фазам в психиатрии, когда клиническая симптоматика ещё не оформлена, но структура будущего расстройства уже задана. Социальная психоинженерия исходит из того, что эти латентные образования являются столь же реальными, как и манифестные кризисы, и подлежат анализу и профилактическому воздействию.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о границе между «реальным» и «воображаемым» в социально-психической онтологии. В классической логике воображаемое рассматривалось как несуществующее либо вторичное. Однако в социально-психической реальности воображаемое, символическое и нарративное обладают прямой каузальной силой. Мифы, коллективные фантазии и конспирологические конструкции могут оказывать более мощное воздействие на поведение масс, чем эмпирически подтверждённые факты. В этом смысле они существуют онтологически, поскольку производят реальные эффекты.

Онтология социальной психоинженерии тем самым требует расширенного понимания бытия, включающего как актуальные, так и потенциальные, как осознаваемые, так и неосознаваемые, как рациональные, так и иррациональные элементы социальной психики. Это приближает её к клинической и феноменологической традиции в психиатрии, где реальность определяется не истинностью содержания, а его структурной и динамической ролью в системе психики [2].

Таким образом, в социально-психической реальности существуют: устойчивые надындивидуальные психические образования, распределённые психические процессы, латентные напряжения, коллективные нарративы и символические конструкции, обладающие каузальной эффективностью. Признание их реальности составляет онтологический фундамент социальной психоинженерии и задаёт границы её предметной области.

Продолжая онтологическое уточнение предметного поля социальной психоинженерии, необходимо ввести представление об уровнях социально-психической реальности, различающихся не по значимости, а по модусу существования и способам воспроизводства. Речь идёт не о жёсткой иерархии, а о взаимосвязанных слоях бытия, каждый из которых вносит вклад в целостную динамику социальной психики. Эти уровни образуют континуум от относительно непосредственных переживаний до высоко опосредованных символических и алгоритмических форм.

На нижнем уровне располагаются индивидуально переживаемые психические состояния, которые, однако, уже включены в социальный контекст и структурированы им. Эмоции, установки и ожидания индивида в социальном пространстве не существуют в «чистом» виде; они с самого начала ориентированы на «Другого», на нормы, образы и нарративы, циркулирующие в обществе. Этот уровень важен для клинического анализа, однако в онтологическом отношении он не исчерпывает социально-психическую реальность, а лишь служит её точкой проявления.

Следующий уровень образуют надындивидуальные психические образования, такие как коллективные эмоции, доминирующие аффективные фоны, устойчивые ожидания и массовые установки. Эти образования воспроизводятся через взаимодействие множества субъектов, но при этом сохраняют относительную автономию. Они не локализуются в конкретном сознании и не исчезают при смене отдельных участников коммуникации. Онтологически это соответствует существованию распределённых психических структур, аналогичных функциональным образованиям в сложных системах.

Более высокий уровень составляет символико-нарративная реальность, включающая мифы, идеологии, исторические интерпретации и коллективные образы будущего. Здесь социально-психическое бытие приобретает форму упорядоченных смысловых конструкций, которые определяют горизонты интерпретации и допустимые формы переживания. Эти конструкции не только отражают социальный опыт, но и активно его формируют, задавая рамки допустимого мышления и эмоционального реагирования. Их онтологический статус определяется не истинностью или ложностью, а степенью их включённости в регуляцию психической системы общества.

В условиях цифровой эпохи необходимо выделить также алгоритмически опосредованный уровень социально-психической реальности. Алгоритмы рекомендаций, ранжирования и модерации формируют особую среду, в которой социально-психические процессы ускоряются, усиливаются и приобретают новые формы. Этот уровень нельзя редуцировать к технической инфраструктуре; он становится самостоятельным компонентом социально-психического бытия, влияя на эмоции, установки и идентичности в масштабах, ранее недоступных ни одному социальному институту.

Онтологический анализ требует также формулировки критериев реальности применительно к социально-психическим феноменам. В классической философии реальность часто связывалась с материальностью или эмпирической наблюдаемостью. В социальной психоинженерии предлагается иной критерий: реальным считается то, что обладает системной каузальной эффективностью, то есть способно устойчиво влиять на состояние, динамику и поведение социальной психической системы. В этом смысле коллективный страх, даже будучи иррациональным по своему содержанию, онтологически реален, поскольку изменяет социальное поведение, институциональные решения и индивидуальное психическое здоровье.

Социально-психическая реальность занимает промежуточное положение между биологическим и институциональным бытием, но не сводится ни к одному из них. Биологические процессы задают ограничения и уязвимости психической системы, определяя, например, пороги стрессоустойчивости и нейрофизиологические механизмы аффекта. Однако они не детерминируют содержание коллективных переживаний и смыслов. В свою очередь, институциональные структуры формируют внешние рамки поведения, но обретают реальную силу лишь в той мере, в какой они интегрированы в социально-психическую систему и поддерживаются соответствующими нарративами и эмоциями.

Соотношение с институциональным бытием особенно важно для социальной психоинженерии, поскольку оно позволяет понять, почему формально одинаковые институты функционируют по-разному в различных обществах. Причина заключается не в самих институтах, а в различиях социально-психической реальности, в которую они встроены. Онтологически это означает, что институциональные формы не являются первичными сущностями, а выступают вторичными по отношению к психической системе общества.

Методологические следствия изложенной онтологии принципиальны. Прежде всего, социальная психоинженерия не может ограничиваться анализом декларативных позиций или формальных структур. Её предметом становятся реально существующие социально-психические образования, включая латентные напряжения, аффективные поля и распределённые нарративы. Это требует интеграции качественных и количественных методов, клинической чувствительности и системного моделирования.

Кроме того, предложенная онтология задаёт критерии допустимости инженерного воздействия. Воздействовать можно лишь на то, что реально существует в социально-психической системе и подчиняется её закономерностям. Попытки игнорировать онтологический уровень ведут либо к неэффективности, либо к деструктивным побочным эффектам. Социальная психоинженерия тем самым опирается не на произвольное конструирование, а на работу с уже существующими психическими реальностями.

Завершая, можно констатировать, что социально-психическая реальность представляет собой многослойное, распределённое и динамическое поле, включающее реальные психические образования, обладающие каузальной эффективностью и поддающиеся системному анализу. Признание и описание этой реальности составляет онтологический фундамент всей дальнейшей концепции социальной психоинженерии и непосредственно подготавливает переход к анализу психических полей, напряжений и динамики.

Литература

[1] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[2] Husserl E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Dordrecht: Springer, 1983.

[3] Durkheim É. The Rules of Sociological Method. New York: Free Press, 1982.

[4] Mead G. H. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

[5] Luhmann N. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995.

[6] Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. New York: Anchor Books, 1966.

[7] Foucault M. Power/Knowledge. New York: Pantheon Books, 1980.

[8] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[9] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

3.2. Психические поля, напряжения и динамика

После установления онтологического статуса социально-психической реальности возникает необходимость описать формы её существования и движения. Для этого в социальной психоинженерии вводятся понятия психических полей, напряжений и динамики. Эти понятия не носят метафорического характера; они предназначены для описания распределённых, нелокализованных и процессуальных аспектов социальной психики, которые не могут быть адекватно схвачены через традиционные категории «установок», «мнений» или «институтов».

Под психическим полем в социально-психической реальности понимается распределённая среда, в пределах которой формируются, передаются и взаимодействуют коллективные эмоции, смыслы и ожидания. Поле не существует как материальный объект и не сводится к сумме индивидуальных психических состояний. Оно проявляет себя через синхронность реакций, сходство интерпретаций, быструю конвергенцию эмоциональных оценок и устойчивость доминирующих тем в публичном пространстве. Психическое поле задаёт вероятностную структуру возможных переживаний и реакций, ограничивая диапазон «психически допустимого» в конкретном обществе или сообществе.

Онтологически психическое поле можно рассматривать как форму коллективной психической контекстуальности. Индивид, включённый в поле, не просто получает информацию, но оказывается погружённым в определённый аффективно-смысловой фон, который предваряет и направляет процессы восприятия, мышления и принятия решений. В этом смысле поле обладает приматом над индивидуальными актами сознания, поскольку задаёт их исходные условия. Именно через поля становится понятной феноменология «очевидности», когда определённые интерпретации воспринимаются как само собой разумеющиеся, а альтернативные — как абсурдные или недопустимые.

Связующим элементом между психическими полями и конкретными проявлениями социальной психики выступает психическое напряжение. Напряжение возникает тогда, когда внутри поля или между несколькими полями формируются противоречия, несовместимые ожидания либо конкурирующие нарративы. Оно не обязательно осознаётся и может длительное время существовать в латентной форме. В онтологическом плане психическое напряжение представляет собой потенциальную энергию системы, способную при определённых условиях реализоваться в виде резких изменений состояний и поведения.

Напряжение не следует понимать исключительно как негативный феномен. В умеренных формах оно является условием развития и адаптации, стимулируя переосмысление смыслов и перестройку идентичностей. Однако при превышении определённых порогов напряжение утрачивает конструктивную функцию и становится источником дезорганизации. В социальной психике это проявляется в росте тревожности, поляризации мнений, упрощении когнитивных схем и усилении аффективных реакций. Клинические аналогии здесь очевидны: подобно тому как хроническое психическое напряжение у индивида может приводить к декомпенсации, накопленное напряжение в социальном поле повышает риск системных кризисов.

Особенностью психических напряжений в социально-психической реальности является их распределённый характер. Напряжение не принадлежит конкретному субъекту и не локализуется в одной точке. Оно рассеивается по полю, проявляясь через множество слабых, но синхронизированных сигналов: изменения риторики, усиление враждебных символов, рост сенситивности к определённым темам. Именно поэтому традиционные методы социологического опроса часто фиксируют кризис уже постфактум, тогда как полевая онтология позволяет выявлять напряжения на доклинической стадии.

Динамика социально-психических процессов описывает изменения полей и напряжений во времени. В отличие от линейных моделей, предполагающих прямую связь между причиной и следствием, динамика социальной психики носит нелинейный и пороговый характер. Незначительные события или символические акты могут вызывать непропорционально сильные эффекты, если они совпадают с критическим состоянием поля. Напротив, масштабные воздействия могут не давать заметного результата, если они не резонируют с существующими структурами напряжения.

Ключевым механизмом динамики является резонанс — совпадение внешнего воздействия с внутренней конфигурацией поля. Резонанс приводит к быстрому усилению определённых эмоций и нарративов, создавая эффект «самораскрутки» процессов. В цифровую эпоху резонанс усиливается алгоритмическими механизмами распространения информации, что резко увеличивает скорость и амплитуду социально-психических изменений. В результате социальная психика приобретает характеристики высокочувствительной системы, в которой прогнозирование требует учёта не только содержания сообщений, но и состояния поля в момент воздействия.

Онтологически динамика социальной психики не может быть сведена к простой сумме индивидуальных изменений. Она обладает собственной инерцией, циклами усиления и ослабления, а также эффектами памяти, которые будут подробно рассмотрены в следующей подглаве. Для социальной психоинженерии принципиально важно признать, что работа с динамикой означает воздействие не на отдельные элементы, а на параметры поля и распределения напряжений, что требует особых методологических и этических ограничений.

Таким образом, введение понятий психических полей, напряжений и динамики позволяет перейти от статического описания социально-психической реальности к её процессуальной модели. Эта модель делает возможным раннее выявление кризисных тенденций, анализ механизмов массовых эффектов и обоснование инженерных вмешательств, опирающихся на реальные закономерности социальной психики.

Продолжая онтологический анализ, необходимо дифференцировать типы психических полей, поскольку социально-психическая реальность не является однородной средой. В зависимости от преобладающего содержания, структуры и функции поля могут существенно различаться. Одни поля характеризуются доминированием аффективных компонентов, другие — смысловых и когнитивных. Существуют поля мобилизационного типа, в которых эмоциональное возбуждение сочетается с упрощёнными нарративами и жёсткими идентичностями, а также поля стабилизационные, где преобладают регуляция аффекта и поддержание предсказуемости.

Отдельную категорию образуют травматические психические поля, формирующиеся вокруг коллективно пережитых катастроф, насилия или длительных периодов дезинтеграции. В таких полях напряжение не рассеивается, а фиксируется, приобретая хронический характер. Даже при отсутствии актуальных травмирующих событий система продолжает реагировать так, словно угроза сохраняется. Это проявляется в повышенной чувствительности, склонности к катастрофизации и снижении доверия к будущему. Подобные поля представляют особую сложность для социальной психоинженерии, поскольку любые воздействия в них легко приводят к непредсказуемым эффектам.

С динамической точки зрения принципиальное значение имеют пороговые эффекты. Социально-психические системы обладают свойством устойчивости до определённого предела, после которого происходит качественное изменение состояния. До достижения порога напряжение может накапливаться почти незаметно, не вызывая резких внешних проявлений. Однако при превышении критического значения система переходит в иное состояние — будь то массовая паника, радикализация или резкое обрушение доверия. Онтологически это соответствует фазовым переходам, хорошо известным в теории сложных систем, но недостаточно учитываемым в гуманитарных дисциплинах.

Фазовые переходы в социальной психике редко инициируются исключительно внешними причинами. Чаще они возникают в результате совпадения внешнего импульса с внутренней готовностью поля. Незначительное событие, символический жест или интерпретация могут стать «триггером», если система уже находится в критическом состоянии. Это объясняет феномен внезапных социальных срывов, которые кажутся необъяснимыми при линейном анализе, но становятся понятными при учёте накопленных напряжений и полевой динамики.

Для практики социальной психоинженерии особую ценность представляет вопрос индикаторов психического напряжения. Поскольку напряжение в социальном поле часто остаётся латентным, его диагностика требует косвенных критериев. К таким индикаторам относятся устойчивые изменения эмоционального тона публичных высказываний, рост поляризации интерпретаций, снижение сложности нарративов, усиление образов угрозы и дегуманизации, а также ускорение циркуляции аффективно нагруженных сообщений в цифровых средах. Эти феномены не являются случайными; в совокупности они отражают сдвиги в параметрах поля.

Важно подчеркнуть, что индикаторы напряжения не тождественны самим напряжениям. Они представляют собой проявления, через которые поле становится доступным эмпирическому наблюдению. Социальная психоинженерия должна учитывать эту опосредованность и избегать упрощённых интерпретаций, приравнивающих отдельные маркеры к однозначным причинам. Только системный анализ совокупности индикаторов позволяет приблизиться к адекватной оценке состояния поля.

Связь понятий психических полей и напряжений с социальной диагностикой заключается в возможности перехода от описания симптомов к анализу системных состояний. Диагностика в этом контексте перестаёт быть фиксацией отдельных показателей и становится реконструкцией конфигурации поля: распределения напряжений, доминирующих нарративов и уровня резонансной чувствительности. Такой подход позволяет выявлять докризисные

состояния задолго до их манифестации в виде открытых социальных конфликтов или массовых психопатологических феноменов.

Для инженерного воздействия введённые понятия задают принципиально иные стратегии. Воздействие на социально-психическую систему не может быть сведено к прямому «внедрению» идей или стимулов. Эффективное вмешательство предполагает работу с параметрами поля: снижением избыточного напряжения, перераспределением аффективных акцентов, изменением структуры резонансов. Это требует высокой степени осторожности, поскольку грубые или несоразмерные воздействия вблизи пороговых состояний могут спровоцировать фазовый переход в нежелательном направлении.

Онтологическое введение психических полей, напряжений и динамики тем самым выполняет двойную функцию. С одной стороны, оно обеспечивает теоретическую целостность социальной психоинженерии, позволяя описывать социальную психику как процессуальную систему. С другой — оно создаёт основу для практических методов диагностики и воздействия, не разрушая сложность и автономию социально-психической реальности.

Завершая, следует подчеркнуть, что понятия поля и напряжения не подменяют собой классические категории психологии и социологии, а интегрируют их в более широкий онтологический контекст. Именно эта интеграция делает возможным переход от описания социальных феноменов к их осознанному и ответственному проектированию. Логическим продолжением данного анализа является рассмотрение времени, памяти и травмы социума, где динамика психических полей будет связана с историческим измерением социальной психики.

Литература

[1] Lewin K. Field Theory in Social Science. New York: Harper & Row, 1951.

[2] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[3] Durkheim É. Suicide: A Study in Sociology. New York: Free Press, 2005.

[4] Luhmann N. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995.

[5] Prigogine I., Stengers I. Order Out of Chaos. New York: Bantam Books, 1984.

[6] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

[7] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[8] Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

[9] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

3.3. Время, память и травма социума

Онтология социальной психоинженерии неизбежно выходит за пределы синхронного анализа. Социально-психическая реальность существует не только в настоящем; она всегда растянута во времени, несёт в себе следы прошлого и проекции будущего. Без введения категории времени любые модели социальной психики остаются принципиально неполными, поскольку игнорируют одно из её ключевых свойств — историческую обусловленность и накопительный характер психических процессов.

В классической психологии и психиатрии время традиционно рассматривалось как параметр, внутри которого разворачиваются индивидуальные психические процессы. В социальной психике время приобретает иной статус: оно становится структурным компонентом самой реальности, определяющим способы организации полей, напряжений и динамики. Социальная

психика не просто «имеет историю»; она существует как исторически нагруженная система, в которой прошлое продолжает действовать в настоящем, а будущее организует ожидания и поведение.

Ключевым медиатором между временем и социальной психикой является коллективная память. Под коллективной памятью в социально-психической онтологии понимается не сумма индивидуальных воспоминаний, а система устойчивых репрезентаций прошлого, встроенных в нарративы, символы и ритуалы общества. Эта память не является нейтральным хранилищем фактов; она селективна, аффективно насыщена и функциональна. Через неё общество поддерживает идентичность, оправдывает текущие структуры власти и формирует границы допустимого будущего.

Коллективная память обладает онтологической реальностью постольку, поскольку она структурирует психическое поле. То, как общество помнит прошлые катастрофы, победы или унижения, определяет текущие эмоциональные фоны и уровни базового доверия к миру. В этом смысле память является активным элементом социальной психики, а не пассивным отражением исторических событий. Даже при отсутствии прямых напоминаний она присутствует в виде фонового напряжения, автоматических реакций и готовых интерпретаций.

Принципиально важным является различие между нарративной памятью и аффективной памятью. Нарративная память структурируется в виде рассказов, официальных версий истории и публичных дискурсов. Аффективная память сохраняется на уровне поля и напряжений, часто не артикулируясь вербально. Общество может декларировать одну интерпретацию прошлого, но эмоционально продолжать реагировать так, словно травматический опыт не был переработан. Это расхождение является источником хронических социально-психических напряжений.

Там, где травматический опыт не интегрирован в коллективную память, формируется феномен социальной травмы. Социальная травма представляет собой устойчивую деформацию социальной психики, возникающую в результате массовых катастроф, насилия, распада идентичностей или длительного пребывания в условиях угрозы. В отличие от индивидуальной психотравмы, она затрагивает структуру психического поля в целом, изменяя базовые параметры доверия, ожидания и эмоциональной регуляции.

Онтологически социальная травма существует не как отдельное событие, а как длительное состояние системы, которое может сохраняться на протяжении поколений. Даже при отсутствии непосредственных носителей первоначального опыта травма продолжает воспроизводиться через семейные сценарии, культурные коды и институциональные практики. Этот феномен хорошо известен в клинической психиатрии на уровне трансгенерационной передачи травмы, однако в социальной психике он приобретает масштаб и сложность, требующие отдельного анализа [1].

Социальное время в условиях травмы утрачивает линейность. Настоящее начинает восприниматься сквозь призму прошлого, а будущее — как повторение уже пережитого. Это приводит к своеобразной «фиксации» психической системы, в которой любые изменения интерпретируются как потенциальная угроза. В системных терминах можно говорить о временной ригидности социальной психики, аналогичной ригидности мышления при определённых психопатологических состояниях.

Особую роль в поддержании временной структуры социальной психики играют ритуалы памяти — памятные даты, символические акты, публичные церемонии. Онтологически они выступают как механизмы стабилизации поля, позволяющие удерживать травматическое напряжение в управляемых формах. Однако при их формализации или идеологизации ритуалы утрачивают регуляторную функцию и могут, напротив, усиливать напряжение, фиксируя систему в травматическом режиме воспроизводства.

В цифровую эпоху трансформация времени и памяти приобретает дополнительные измерения. Скорость информационных потоков приводит к сжатию настоящего, тогда как цифровые архивы создают иллюзию бесконечной доступности прошлого. В результате социальная психика оказывается одновременно перегруженной событиями и неспособной к глубокой переработке опыта. Это формирует новый тип хронической социальной дезадаптации, при котором травма не вытесняется, но и не интегрируется, оставаясь в состоянии постоянной активации.

С точки зрения социальной психоинженерии анализ времени, памяти и травмы имеет фундаментальное значение. Любые инженерные вмешательства, игнорирующие историческую нагруженность социальной психики, обречены на поверхностность или деструктивные последствия. Работа с полями и напряжениями неизбежно включает работу с памятью и временными структурами, даже если это не артикулируется явно.

Таким образом, социально-психическая реальность существует как временная система, в которой прошлое, настоящее и будущее находятся в постоянном взаимодействии. Признание этого факта позволяет перейти от реактивных моделей социальной регуляции к стратегическому и терапевтически ориентированному подходу, учитывающему глубинную историческую динамику психики социума.

Продолжая анализ, необходимо ввести типологию социальных травм, поскольку травматизация социума не является единым по структуре и последствиям феноменом. Социальные травмы различаются по происхождению, глубине системного повреждения и способам воспроизводства во времени. Одни из них возникают в результате острых катастрофических событий, другие формируются как следствие длительных, хронических процессов дезинтеграции, насилия или неопределённости. Эти различия имеют принципиальное значение для онтологии социальной психики, поскольку определяют характер временной динамики и устойчивость травматического поля.

Острые социальные травмы связаны с резкими разрывами исторической непрерывности — войнами, геноцидами, революциями, масштабными техногенными катастрофами. Их особенностью является высокая интенсивность аффективного воздействия и одновременность переживания большим числом субъектов. Такие травмы быстро формируют мощные травматические поля, которые могут быть частично интегрированы через нарративы и ритуалы, но при отсутствии адекватной переработки сохраняются в виде устойчивых очагов напряжения.

Хронические социальные травмы формируются иначе. Они возникают в условиях длительного структурного насилия, социальной нестабильности, утраты перспектив или систематической девальвации человеческого достоинства. В этих случаях травма не имеет чётко очерченного начала и конца; она «размазывается» во времени и становится нормализованным фоном существования. Онтологически такие травмы особенно опасны, поскольку они глубоко интегрируются в психическое поле и маскируются под «обычную реальность».

Особую форму представляет травма распада идентичности, возникающая при утрате или радикальной трансформации базовых коллективных самоописаний. В подобных ситуациях общество оказывается лишено устойчивых ориентиров, а социальная психика входит в состояние дезинтеграции, сопровождающееся ростом тревоги и компенсаторной радикализации. Эта форма травмы часто сопровождается резкой поляризацией и конфликтами нарративов, которые дополнительно усиливают временную ригидность системы.

Центральным механизмом устойчивости социальных травм является трансгенерационная передача. Онтологически она представляет собой процесс переноса травматических структур через поколения, независимо от наличия прямого опыта первичного события. Передача осуществляется через семейные сценарии, стили эмоциональной регуляции, культурные коды и социальные институты. При этом содержание травмы может утрачивать историческую кон-

кретность, сохраняясь в виде аффективных паттернов и базовых ожиданий угрозы или несправедливости.

Трансгенерационная передача придаёт социальной психике особую временную плотность. Прошлое не «уходит», а продолжает структурировать настоящее, формируя феномен временных ловушек. Под временными ловушками понимаются устойчивые конфигурации социальной психики, в которых система вновь и вновь возвращается к одним и тем же сценариям интерпретации и реагирования, несмотря на изменение объективных условий. В таких ловушках будущее переживается как повторение прошлого, а инновации воспринимаются как источник угрозы.

Временные ловушки проявляются в цикличности кризисов, повторяемости социальных конфликтов и устойчивой неспособности к долгосрочному планированию. Онтологически они указывают на нарушение интеграции временных модальностей: прошлое доминирует над настоящим, а будущее редуцируется до проекции травматического опыта. Системная динамика при этом утрачивает гибкость, что снижает адаптационные возможности социума.

Диагностические следствия анализа времени, памяти и травмы заключаются в возможности выявления исторически нагруженных зон напряжения в социальной психике. Такие зоны не всегда коррелируют с текущими экономическими или политическими показателями, но проявляются через устойчивые эмоциональные реакции, повторяющиеся нарративы и характерные искажения восприятия реальности. Диагностика социальной травмы требует не только анализа актуального состояния поля, но и реконструкции его временной структуры.

Для социальной психоинженерии это означает необходимость интеграции временного измерения в диагностические модели. Оценка состояния социума без учёта травматического прошлого неизбежно ведёт к ошибочным интерпретациям и неэффективным воздействиям. Напротив, выявление временных ловушек и механизмов трансгенерационной передачи позволяет разрабатывать превентивные и коррекционные стратегии, ориентированные на долгосрочную стабилизацию психической системы общества.

Терапевтические следствия онтологии социальной травмы связаны с концепцией социальной психотерапии, которая будет подробно рассмотрена в последующих главах. Уже на данном этапе можно утверждать, что работа с травмой на уровне социума не сводится к символическим жестам или декларативным актам «примирения». Она требует постепенной переработки коллективной памяти, создания пространств безопасной артикуляции опыта и восстановления способности системы к временному воображению будущего.

Особое внимание в социальной психоинженерии должно уделяться риску повторной травматизации, возникающему при неосторожных инженерных вмешательствах. Воздействия, игнорирующие травматическую структуру поля, могут активировать латентные напряжения и спровоцировать фазовые срывы. Это делает временную чувствительность и клиническую осторожность ключевыми профессиональными качествами социального психоинженера.

Завершая, можно констатировать, что время, память и травма образуют фундаментальное измерение социально-психической реальности. Социальная психика существует не как мгновенный срез состояний, а как исторически непрерывная система, в которой прошлое активно формирует настоящее и ограничивает горизонты будущего. Признание этой онтологической реальности является необходимым условием для ответственной и научно обоснованной социальной психоинженерии и подготавливает переход к анализу психической энергии общества.

Литература

[1] Freud S. Beyond the Pleasure Principle. New York: W. W. Norton & Company, 1961.
[2] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.
[3] Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

[4] Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

[5] Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012.

[6] LaCapra D. Writing History, Writing Trauma. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.

[7] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[8] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[9] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

3.4. Психическая энергия общества

Понятие психической энергии занимает особое место в онтологии социальной психоинженерии, поскольку позволяет описывать динамический аспект социальной психики, то есть не только то, что существует в социально-психической реальности, но и с какой интенсивностью, в каком направлении и с какими последствиями она функционирует. Без введения энергетического измерения социальная психика остаётся статической моделью, неспособной объяснить феномены ускорения, взрывных кризисов, массовой мобилизации или, напротив, коллективной апатии.

Исторически понятие психической энергии формировалось в рамках индивидуальной психологии и психопатологии. Уже в классической психоаналитической традиции психическая жизнь рассматривалась как система распределения, связывания и разрядки энергии, прежде всего аффективной [1]. Однако перенос данного понятия на социальный уровень долгое время оставался либо метафорическим, либо идеологизированным. Социальная психоинженерия предлагает онтологически строгую трактовку психической энергии общества как реального системного параметра, а не образного описания.

Под психической энергией общества следует понимать совокупную интенсивность мотивационных, аффективных, когнитивных и волевых процессов, циркулирующих в социальной психике и определяющих её способность к действию, сопротивлению, изменению или стагнации. Эта энергия не тождественна сумме индивидуальных энергий; она возникает как надындивидуальный эффект взаимодействия субъектов, нарративов, символов и институциональных структур.

Онтологически психическая энергия общества проявляется прежде всего в напряжении психических полей, описанных в предыдущей подглаве. Там, где поле насыщено значимыми смыслами, конфликтами или ожиданиями, энергетический потенциал возрастает. Напротив, обесценивание смыслов, распад идентичностей и утрата будущего горизонта ведут к энергетическому истощению социальной психики. Таким образом, психическая энергия является функцией не только эмоций, но и смысловой структурированности общества.

Важно подчеркнуть, что психическая энергия общества не является однозначно позитивной или негативной. Высокий энергетический уровень может способствовать как созидательным социальным преобразованиям, так и деструктивным массовым процессам. Исторические примеры показывают, что одни и те же энергетические характеристики — мобилизация, эмоциональная интенсивность, коллективная вовлечённость — могут лежать в основе как культурного подъёма, так и массовых психозов или насилия [2].

С точки зрения системной психопатологии особый интерес представляет вопрос распределения и связывания психической энергии. В функционально устойчивых обществах значительная часть энергии структурируется через институции, ритуалы, культурные формы и правовые механизмы. Это обеспечивает относительную предсказуемость и предотвращает хаотические выбросы. В условиях же институционального коллапса энергия утрачивает формы связывания и проявляется в виде вспышек агрессии, паники или иррациональной мобилизации.

Социальная психика, подобно индивидуальной, подвержена феноменам энергетической фиксации. Травматические события, о которых шла речь в подглаве 3.3, могут «захватывать» значительную долю психической энергии общества, не позволяя ей перераспределяться в направлении развития. В таких случаях прошлое становится энергетическим центром системы, а будущее оказывается хронически недофинансированным в психологическом смысле. Это состояние можно рассматривать как форму коллективного невротического застревания.

Противоположным полюсом является состояние энергетической диссоциации, при котором общество утрачивает способность к мобилизации даже перед лицом объективных угроз. Социальная апатия, цинизм, тотальное недоверие и эмоциональное выгорание на коллективном уровне свидетельствуют не об отсутствии проблем, а о глубоком истощении психической энергии. В клинико-метафорическом смысле это состояние сопоставимо с депрессивными расстройствами, что подтверждается данными социальной психиатрии и эпидемиологии [3].

Важнейшим источником психической энергии общества выступает коллективный смысл, прежде всего образ будущего. Там, где социальная система способна формировать разделяемые проективные нарративы, энергия структурируется и направляется в созидательные каналы. Утрата образа будущего ведёт к распаду энергетической регуляции и усилению компенсаторных форм, включая агрессию, радикализацию и уход в примитивные идентичности.

С онтологической точки зрения необходимо различать эндогенные и экзогенные источники психической энергии. Эндогенные источники связаны с внутренними процессами социальной психики — идентичностью, ценностями, исторической памятью. Экзогенные источники формируются под воздействием внешних стимулов, включая цифровые медиа, алгоритмические системы и искусственный интеллект. В условиях цифровых обществ экзогенная стимуляция всё чаще начинает доминировать, что приводит к искусственному повышению энергетического уровня без соответствующей смысловой интеграции.

Это обстоятельство имеет принципиальное значение для социальной психоинженерии, поскольку алгоритмическое усиление энергии может создавать иллюзию социальной активности при фактической дезорганизации психической системы. Высокая эмоциональная возбудимость в социальных сетях нередко сопровождается снижением способности к реальному коллективному действию. Таким образом, энергетическая интенсивность не всегда коррелирует с функциональной эффективностью социальной системы.

Диагностически психическая энергия общества проявляется через поведенческие, эмоциональные и нарративные маркеры: скорость распространения аффектов, степень поляризации, готовность к мобилизации, устойчивость к фрустрации. В рамках социальной психоинженерии эти параметры подлежат не только описанию, но и количественной оценке на основе больших данных и поведенческих индикаторов, что будет подробно рассмотрено в последующих разделах.

Онтологическое введение психической энергии общества завершает формирование базовой модели социально-психической реальности. Социальная психика предстает как система полей, временных структур и энергетических потоков, подчиняющихся закономерностям, аналогичным — но не тождественным — индивидуальной психике. Это открывает воз-

можность перехода от описательной социальной теории к инженерному и клиническому подходу к социуму.

Литература

[1] Freud S. Introductory Lectures on Psycho-Analysis. New York: W. W. Norton & Company, 1966.

[2] Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. Princeton: Princeton University Press, 1981.

[3] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[4] Durkheim É. The Elementary Forms of Religious Life. London: Allen & Unwin, 1915.

[5] Elias N. The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 2000.

[6] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[7] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[8] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

ОТДЕЛ II. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И АКСИОМАТИКА

ГЛАВА 4. Базовые понятия социальной психоинженерии

4.1. Социальный субъект

Понятие социального субъекта является фундаментальным для социальной психоинженерии, поскольку именно оно задаёт точку отсчёта для анализа, диагностики и проектирования социально-психических процессов. В отличие от классической психологии, где субъект чаще всего отождествляется с индивидуальным носителем сознания, и от социологии, где субъект нередко растворяется в структурах и ролях, социальная психоинженерия исходит из необходимости многоуровневого и операционализируемого понимания субъекта как реального участника психической динамики социума.

Исторически категория субъекта прошла сложную эволюцию. В философской традиции Нового времени субъект мыслился прежде всего как носитель рационального сознания и автономной воли. Позднее в гуманитарных науках акцент смещался то в сторону социального детерминизма, то в сторону психической глубины, однако проблема соотнесения индивидуальной субъектности с коллективными процессами оставалась нерешённой. Социальная психоинженерия рассматривает эту нерешённость как симптом методологического разрыва между уровнями анализа [1].

Под социальным субъектом в рамках настоящей монографии понимается носитель и агент социально-психической реальности, способный продуцировать, транслировать и трансформировать надындивидуальные психические образования в пределах определённого социального поля. Ключевым здесь является отказ от жёсткой привязки субъекта исключительно к индивидуальному телу или сознанию. Социальный субъект может быть представлен как индивидом, так и группой, институтом, массовым сообществом и даже гибридной конфигурацией, включающей алгоритмические компоненты.

Такое расширение понятия субъекта не является произвольным. Оно диктуется реальными изменениями социальной психики в цифровую эпоху. Индивид всё чаще действует не как автономный субъект, а как узел распределённой системы, принимающий решения под воздействием коллективных аффектов, алгоритмических фильтров и нарративных рамок. В этом смысле субъектность становится распределённой функцией, а не фиксированным свойством конкретного лица.

С клинико-психиатрической точки зрения принципиально важно, что социальный субъект может демонстрировать формы функционирования, аналогичные индивидуальной психике: наличие доминирующих мотиваций, аффективных паттернов, защитных механизмов и даже патологических состояний. Это особенно заметно при анализе массовых реакций, когда коллективное поведение приобретает характер импульсивности, паранойяльности или депрессивной заторможенности. МКБ-10/11, фиксируя культурно-обусловленные синдромы и социальные факторы расстройств, косвенно признают существование субъекта более широкого, чем индивидуальный пациент [2].

Методологически социальный субъект должен рассматриваться как системный агент, включённый в сеть обратных связей. Его действия не исчерпываются сознательными намере-

ниями и не могут быть адекватно объяснены только интересами или ценностями. Существенную роль играют бессознательные коллективные структуры, сформированные исторической памятью, травмами и повторяющимися нарративами. Именно через социального субъекта эти структуры получают возможность воспроизводства и воздействия на реальность.

Важно подчеркнуть, что социальная психоинженерия не отождествляет социального субъекта с юридическим или политическим субъектом. Юридическая субъектность фиксирует права и обязанности, тогда как социально-психическая субъектность описывает способность оказывать психическое влияние и быть носителем психической энергии. Эти формы субъектности могут совпадать, но часто они расходятся. Массовые движения, интернет-сообщества или медиаперсоны могут обладать мощной психической субъектностью при минимальной формальной институционализации.

В цифровых обществах происходит качественное изменение структуры социального субъекта. Алгоритмические системы, рекомендательные механизмы и платформенные архитектуры начинают участвовать в формировании намерений, эмоций и решений, не обладая при этом сознанием в классическом смысле. Возникает феномен квази-субъектов, которые не могут быть сведены ни к человеческим индивидам, ни к традиционным социальным институтам. Социальная психоинженерия рассматривает их как специфический тип социального субъекта, действующего через управление вниманием и аффектом [3].

Онтологически социальный субъект всегда укоренён в социально-психическом поле и не может быть понят вне контекста взаимодействий. Его границы проницаемы, а идентичность динамична. Это означает, что субъектность может усиливаться или ослабевать в зависимости от уровня мобилизации, доверия и смысловой интеграции. В периоды кризисов субъекты часто утрачивают устойчивость, распадаясь на фрагменты или, напротив, сливаясь в аморфные массы.

Для социальной психоинженерии принципиально важно различать активные и реактивные формы субъектности. Активная субъектность связана со способностью к проективному действию и формированию будущего, тогда как реактивная — с ответами на внешние стимулы и угрозы. Современные цифровые общества демонстрируют тенденцию к снижению активной субъектности при росте реактивной вовлечённости, что имеет глубокие последствия для психического здоровья социума и устойчивости социальных систем.

На уровне практического анализа понятие социального субъекта позволяет переходить от абстрактных описаний общества к конкретным объектам диагностики и воздействия. В последующих подглавах будет показано, каким образом субъектность структурируется через коллективную идентичность, нарративы и меметические элементы, образуя основу для инженерного подхода к социальной психике.

Развивая введённое определение социального субъекта, необходимо перейти к его аналитическому развертыванию. В рамках социальной психоинженерии социальный субъект не является гомогенным образованием. Напротив, он существует в виде типологически различных форм, различающихся по масштабу, степени интеграции, источникам субъектности и характеру психического воздействия на социальную реальность.

Прежде всего следует указать, что социальный субъект может быть локализованным и распределённым. Локализованные субъекты обладают относительно чёткими границами и идентифицируемыми носителями — к ним относятся отдельные личности, формальные группы, институциональные структуры. Распределённые субъекты не имеют единого центра и проявляют свою субъектность через совокупность взаимодействий, сетевых эффектов и повторяющихся паттернов поведения. Массовые движения, цифровые сообщества и медиасреды представляют собой именно такие формы субъектности, существующие как динамические конфигурации.

С психиатрической точки зрения принципиально важно, что степень субъектной интеграции может варьировать от высокоорганизованных форм до крайне фрагментированных. Высокоинтегрированный социальный субъект характеризуется согласованностью нарративов, относительной стабильностью идентичности и прогнозируемостью поведения. В противоположность ему, фрагментированный субъект демонстрирует противоречивые импульсы, резкие аффективные колебания и неспособность к долгосрочной регуляции. Эти характеристики позволяют проводить параллели между индивидуальной и социальной психопатологией без прямой редукции одной к другой [4].

Уровни и масштабы субъектности требуют отдельного рассмотрения. Социальная психоинженерия различает микросубъектный, мезосубъектный и макросубъектный уровни. На микросубъектном уровне субъектность формируется в пределах малых групп, профессиональных сообществ и локальных сетей. Мезосубъектный уровень охватывает крупные социальные группы, классы и культурные сообщества. Макросубъектный уровень представлен обществами и цивилизациями, обладающими исторической памятью и коллективными траекториями развития.

Важно подчеркнуть, что субъектность на этих уровнях не является аддитивной. Макросубъект не складывается из суммы микросубъектов; он возникает как качественно иное образование, обладающее собственной динамикой и логикой. Это положение принципиально для отказа от методологического индивидуализма, доминировавшего в гуманитарных науках XX века [5].

Категория ответственности в контексте социального субъекта требует особого переосмысления. Если индивидуальный субъект несёт персональную ответственность за свои действия, то ответственность социального субъекта носит распределённый и отсроченный характер. Она проявляется через институциональные последствия, коллективные решения и исторические эффекты. Социальная психоинженерия не снимает вопрос ответственности, но переводит его в плоскость этической инженерии, где важно не столько персональное обвинение, сколько понимание механизмов воспроизводства деструктивных состояний.

Особое место занимает проблема патологии социального субъекта. В условиях длительного напряжения, хронической травматизации или нарративной дезинтеграции социальный субъект может утрачивать адаптивность. Это проявляется в феноменах массовой регрессии, иррациональной агрессии, утрате способности к рефлексии и склонности к бинарному мышлению. Такие состояния не могут быть адекватно описаны средствами классической психиатрии, но требуют расширенной модели, учитывающей надындивидуальные механизмы [6].

Примечательно, что многие социальные патологии демонстрируют структурное сходство с известными формами индивидуальных расстройств, описанных в МКБ-10/11, при этом не являясь их прямыми аналогами. Речь идёт скорее о изоморфизме структур, чем о тождестве клинических симптомов. Это различие принципиально важно для предотвращения стигматизации и упрощённых переносов клинических категорий на общество в целом.

Логическим завершением анализа социального субъекта является переход к категории коллективной идентичности, которая будет подробно рассмотрена в подглаве 4.2. Именно коллективная идентичность выступает основным механизмом стабилизации субъектности, обеспечивая её непрерывность во времени и способность к самовоспроизводству. Без устойчивой идентичности социальный субъект распадается на набор реактивных поведенческих актов, теряя способность к осмысленному действию.

Таким образом, социальный субъект в социальной психоинженерии предстает не как абстрактная метафора, а как реальный объект научного анализа и инженерного воздействия, обладающий собственной психической организацией, динамикой и уязвимостями. Это понимание открывает возможность перехода от описательного уровня гуманитарных наук к проектному, что и составляет одну из центральных задач настоящей монографии.

Литература

[1] Ясперс К. Общая психопатология / Пер с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

[2] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[3] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[4] Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. London: Hogarth Press, 1922.

[5] Durkheim É. The Elementary Forms of Religious Life. New York: Free Press, 1995.

[6] Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. London: Ernest Benn, 1952.

[7] Parsons T. The Social System. New York: Free Press, 1951.

[8] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2010.

[9] Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958.

[10] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

4.2. Коллективная идентичность

Понятие коллективной идентичности занимает центральное место в понятийном аппарате социальной психоинженерии, поскольку именно через него социальный субъект обретает внутреннюю непрерывность, устойчивость и способность к воспроизводству самого себя во времени. В отличие от индивидуальной идентичности, формирующейся в пределах биографического опыта отдельного человека, коллективная идентичность представляет собой надындивидуальное психическое образование, закреплённое в символах, нарративах, ритуалах, институтах и повторяющихся формах социального поведения.

В классической психологии и социологии коллективная идентичность рассматривалась либо как вторичное производное индивидуального самосознания, либо как идеологическая надстройка над материальными и социально-экономическими процессами. Такой редукционистский подход существенно ограничивал аналитические возможности гуманитарных наук и препятствовал пониманию тех феноменов, которые проявляются на уровне обществ, культур и цивилизаций [1]. Социальная психоинженерия исходит из иного методологического основания: коллективная идентичность трактуется как автономная психическая реальность, обладающая собственной структурой, динамикой и закономерностями функционирования.

Коллективная идентичность формируется как ответ на фундаментальный вопрос социальной психики: «Кто мы?» Этот вопрос не является чисто когнитивным; он включает в себя аффективные, мотивационные и ценностные компоненты. Именно поэтому коллективная идентичность не сводится к декларативным самоописаниям или официальным идеологиям. Она проявляется в устойчивых эмоциональных реакциях общества, в его типичных способах интерпретации событий, в допустимых и недопустимых формах поведения, а также в характерных стратегиях адаптации к кризисам.

С онтологической точки зрения коллективная идентичность представляет собой интегративный психический конструкт, который связывает прошлое, настоящее и будущее социального субъекта. Через коллективную память она укореняется в прошлом, через текущие практики — реализуется в настоящем, а через ожидания и проекты — направляется в будущее. Нарушение этой связности приводит к состояниям идентификационной дезориентации,

которые на макросоциальном уровне проявляются в виде кризисов легитимности, культурной фрагментации и роста деструктивных нарративов [2].

Особое значение имеет связь коллективной идентичности с феноменом социальной травмы. Массовые катастрофы, войны, репрессии и системные кризисы не только оставляют след в исторической памяти, но и деформируют идентичностное ядро общества. В таких случаях коллективная идентичность может приобретать патологические черты: фиксированность на травматическом опыте, склонность к повторению деструктивных сценариев, гиперчувствительность к внешним угрозам и утрату способности к конструктивному самопроектированию. Эти процессы обладают структурным сходством с посттравматическими расстройствами, описанными в МКБ-10/11, однако разворачиваются на уровне социального субъекта [3].

В рамках социальной психоинженерии принципиально важно различать декларируемую и фактическую коллективную идентичность. Декларируемая идентичность отражается в официальных дискурсах, политических заявлениях и идеологических документах. Фактическая же идентичность проявляется в реальном поведении общества, в его спонтанных реакциях и неосознаваемых предпочтениях. Расхождение между этими уровнями является одним из ключевых индикаторов скрытых социальных конфликтов и латентной дезинтеграции психической системы социума.

Цифровая эпоха радикально изменила механизмы формирования и трансформации коллективной идентичности. Интернет, социальные сети и алгоритмические среды привели к ускоренной циркуляции символов и нарративов, что, с одной стороны, облегчило конструирование новых идентичностей, а с другой — сделало их более нестабильными и фрагментированными. В условиях цифровых обществ коллективная идентичность всё чаще принимает форму мозаики, состоящей из конкурирующих и слабо согласованных элементов. Это создаёт как новые возможности для социальной психоинженерии, так и новые риски, связанные с манипуляцией и утратой идентификационной целостности [4].

С инженерной точки зрения коллективная идентичность может рассматриваться как ключевая точка приложения социально-психического воздействия. Любые масштабные изменения в поведении социума, будь то реформы, мобилизация или процессы реабилитации после кризисов, неизбежно затрагивают идентичностный уровень. Однако вмешательство в эту сферу требует предельной осторожности, поскольку неадекватное или насильственное воздействие способно привести к глубоким и долговременным нарушениям социальной психики.

Таким образом, коллективная идентичность в социальной психоинженерии предстает не как абстрактное культурологическое понятие, а как фундаментальный элемент психической системы общества. Её анализ и понимание являются необходимым условием как диагностики социальных состояний, так и проектирования допустимых и этически оправданных форм социального воздействия. В следующей подглаве будет показано, каким образом нарратив выступает ключевым механизмом формирования, стабилизации и трансформации коллективной идентичности.

Литература

[1] Durkheim É. The Division of Labor in Society. New York, 1997.

[2] Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago, 1992.

[3] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[4] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[5] Erikson E. Identity and the Life Cycle. New York, 1980.

[6] Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. Cambridge, 2011.
[7] Castells M. Communication Power. Oxford, 2013.
[8] Arendt H. Between Past and Future. New York, 1968.
[9] Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. London, 1981.
[10] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

4.3. Нарратив как психическая структура

Понятие нарратива в социальной психоинженерии приобретает принципиально иной статус по сравнению с его трактовкой в классической гуманитарной традиции. Если в литературоведении и культурологии нарратив преимущественно понимается как форма повествования, а в социальной философии — как способ смысловой организации опыта, то в рамках социальной психоинженерии нарратив рассматривается как устойчивая психическая структура, выполняющая функцию интеграции, регуляции и воспроизводства социальной психики.

Нарратив не является простым набором текстов, лозунгов или рассказов о прошлом. Он представляет собой структурированный комплекс смыслов, аффектов и предписаний, который определяет, какие события считаются значимыми, какие интерпретации допустимыми и какие поведенческие реакции социально санкционированными. В этом смысле нарратив выступает не отражением реальности, а активным конструктором социальной психической действительности [1].

С онтологической точки зрения нарратив занимает промежуточное положение между коллективной идентичностью и конкретными формами социального поведения. Он связывает абстрактное самоощущение социального субъекта («кто мы») с конкретными действиями («как нам следует поступать»). Именно через нарратив коллективная идентичность приобретает динамику, а социальный субъект — направленность во времени. Без нарративной структуры идентичность остается статичной, а социальная психика теряет способность к целенаправленному развитию.

Клинически и психопатологически значимым является тот факт, что нарратив обладает свойствами, сходными со структурами мышления и смыслообразования, описанными в индивидуальной психиатрии. Он характеризуется избирательностью, устойчивыми когнитивными схемами, эмоциональной окраской и тенденцией к самоподтверждению. Подобно индивидуальным убеждениям и идеаторным комплексам, коллективные нарративы демонстрируют сопротивление к опровержению и склонность к интерпретации новых событий в рамках уже существующей смысловой матрицы [2].

В социальной психоинженерии принципиально важно различать адаптивные и дезадаптивные нарративы. Адаптивный нарратив обеспечивает обществу способность к переработке травматического опыта, к включению новых фактов и к коррекции собственных представлений без разрушения идентичностного ядра. Дезадаптивный нарратив, напротив, фиксирует социальную психику в узком интерпретационном коридоре, усиливает поляризацию, снижает толерантность к неопределённости и способствует воспроизводству конфликтов.

Особое внимание следует уделить нарративам травмы. В условиях массовых катастроф, войн или системных кризисов нарратив утрачивает функцию символической переработки и превращается в ригидную структуру повторения. В таких случаях общество вновь и вновь воспроизводит одни и те же смысловые конструкции, не приближаясь к интеграции опыта. Структурно это состояние обнаруживает сходство с посттравматическими нарушениями, описанными в МКБ-10/11, однако разворачивается не на индивидуальном, а на надындивидуальном уровне [3].

Цифровая среда существенно изменила морфологию нарратива. Традиционный линейный нарратив, характерный для письменной культуры и институциональных форм передачи знания, уступает место фрагментированным, конкурирующим и ускоренно распространяющимся нарративным фрагментам. В социальных сетях нарратив всё чаще существует в виде коротких смысловых импульсов, связанных не логикой, а аффектом и алгоритмической селекцией. Это усиливает его воздействие, но одновременно снижает способность общества к рефлексии и долгосрочному планированию [4].

С инженерной точки зрения нарратив выступает одной из ключевых точек приложения социально-психического воздействия. Любая попытка изменить поведение общества без работы с нарративной структурой обречена либо на поверхностный эффект, либо на сопротивление социальной психики. При этом социальная психоинженерия принципиально отличается от пропаганды и манипуляции. Её задача заключается не в навязывании нарратива, а в диагностике, коррекции и перепроектировании тех нарративных структур, которые уже существуют и определяют психическое функционирование социума.

Этическое измерение работы с нарративами требует особого внимания. Нарратив, будучи структурой коллективного смысла, напрямую воздействует на автономию социального субъекта. Поэтому любое вмешательство должно соотноситься с принципами минимального насилия над психикой общества, сохранения субъектности и предотвращения долгосрочных деструктивных последствий. Нарративное проектирование без онтологического и клинического понимания социальной психики легко превращается в инструмент контроля, что будет подробно рассмотрено в последующих разделах монографии.

Таким образом, нарратив в социальной психоинженерии предстает как фундаментальная психическая структура, связывающая идентичность, память, аффект и действие. Его анализ является необходимым условием как диагностики социальных состояний, так и разработки научно обоснованных и этически допустимых стратегий социального воздействия. В следующей подглаве будет рассмотрен минимальный структурный элемент нарратива — мем — как базовая единица динамики социальной психики.

Литература

[1] Ricoeur P. Time and Narrative. Chicago, 1984.

[2] Bruner J. Acts of Meaning. Cambridge, 1990.

[3] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[4] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[5] White H. The Content of the Form. Baltimore, 1987.

[6] Jung C. G. The Structure and Dynamics of the Psyche. London, 1980.

[7] Barthes R. Image, Music, Text. New York, 1977.

[8] Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. Manchester, 1984.

[9] Castells M. Networks of Outrage and Hope. Cambridge, 2012.

[10] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

4.4. Мем как элементарная единица социальной психики

Понятие мема в социальной психоинженерии вводится не как публицистический термин цифровой культуры и не как метафора «вирусной» коммуникации, а как строго функциональная категория, необходимая для описания микроуровня динамики социальной психики. Если в предыдущей подглаве нарратив был определён как устойчивая психическая структура, организующая коллективное смыслообразование, то мем следует рассматривать как минимальный воспроизводимый элемент этой структуры — своего рода «квант» социально-психического содержания, способный к тиражированию, мутациям и селекции в коммуникативных средах [1].

Исторически термин «мем» был предложен в рамках эволюционной метафоры для обозначения культурных единиц, распространяющихся подобно генам [1]. В дальнейшем, по мере развития когнитивной науки, социальной психологии и медиатеории, стало ясно, что меметическая перспектива полезна не только как аналогия, но и как аналитический инструмент, позволяющий связывать индивидуальные когнитивные процессы с массовыми паттернами распространения идей, образов и аффектов [2]. Социальная психоинженерия использует этот инструмент, однако радикально уточняет его онтологический статус: мем рассматривается не просто как «идея», а как комплексный психический стимул, включающий когнитивный смысл, эмоциональную метку и поведенческое побуждение.

В этом определении принципиально важно присутствие аффективного компонента. В цифровых обществах мем редко существует как нейтральная информация; он почти всегда несёт эмоциональный заряд — тревогу, иронию, агрессию, гордость, стыд или сочувствие. Именно аффект обеспечивает мему его социально-психическую энергию и делает возможным быстрое распространение. Более того, аффект выступает механизмом «прилипчивости» содержания, снижая роль рациональной проверки и усиливая роль автоматических реакций, которые в индивидуальной психологии описываются через эвристики и когнитивные искажения [3]. В массовом масштабе эти эффекты приводят к тому, что мем начинает функционировать как элемент коллективной регуляции внимания и поведения.

Мем как единица социальной психики обладает рядом свойств, отличающих его от классических единиц анализа в психологии и социологии. Во-первых, мем принципиально репликативен: его смысловые контуры допускают повторение с вариативностью. Во-вторых, мем контекстно-зависим: его воздействие определяется не только содержанием, но и средой распространения, статусом источника, актуальным эмоциональным фоном общества и конкуренцией других мемов. В-третьих, мем комбинаторен: он легко включается в более крупные нарративные структуры, образуя устойчивые комплексы, которые можно рассматривать как «меметические кластеры» социальной психики. В-четвёртых, мем операционален: он способен запускать простые поведенческие сценарии — от лайка и репоста до участия в массовых действиях, включая политическую мобилизацию и стихийные формы социального давления.

С методологической точки зрения введение мемов в понятийный аппарат социальной психоинженерии решает важнейшую проблему: как связать высокоуровневые категории (коллективная идентичность, социальная травма, культурные коды) с наблюдаемыми микроактами коммуникации и поведения. Социология нередко фиксируется на институциональных структурах и макроизмерениях, а психология — на индивидуальных механизмах восприятия и мотивации. Мем позволяет построить мост между этими уровнями, поскольку он одновременно принадлежит индивидуальному когнитивному аппарату (будучи стимулом) и надындивидуальной психике (будучи элементом массового воспроизводства).

При этом следует подчеркнуть, что мем в социальной психоинженерии не тождествен «шутке из интернета». Современная массовая культура использует слово «мем» для обозначения визуальных или текстовых форматов с комическим эффектом. Однако для научной концепции важна не форма, а функция: мемом может быть лозунг, символ, короткий видеоклип, эмоционально насыщенная история, фотография, скриншот, аудиофрагмент, ритуальная фор-

мула и даже упрощённая интерпретационная схема, через которую объясняется сложное событие. Важно лишь, что эта единица способна к массовому воспроизводству и вызывает типичные психологические реакции.

Меметическая динамика социальной психики тесно связана с механизмами социальной инфекции и массового заражения аффектом. Классические работы, посвящённые психологии толпы и распространению эмоций, фиксировали, что аффекты могут распространяться быстрее рациональных представлений и приводить к формированию коллективных реакций, не сводимых к сумме индивидуальных мотиваций [4]. Цифровая эпоха усилила эти механизмы, поскольку коммуникационные платформы устранили пространственные ограничения и позволили мгновенно синхронизировать эмоциональные состояния больших групп людей. В таких условиях мемы становятся носителями аффекта и механизмами его масштабирования, что превращает их в один из ключевых регуляторов психической энергии общества.

Отдельного анализа требует связь мемов с социальной психопатологией. Если рассматривать общество как психическую систему, то можно говорить о «патологических мемах» — таких единицах содержания, которые систематически деформируют восприятие реальности, усиливают параноидные интерпретации, нормализуют насилие или провоцируют массовые диссоциативные реакции. В индивидуальной психиатрии подобные процессы описываются через нарушения мышления, бредовые идеи и патологические убеждения. В социальной психике их функциональными аналогами могут выступать устойчивые меметические комплексы, которые не поддаются коррекции фактами и поддерживаются механизмами групповой идентификации и цифровой селекции. Здесь возникает важнейшая методологическая проблема: как соотнести индивидуальные диагностические категории МКБ-10/11 с макросоциальными феноменами, не впадая в грубую метафоризацию и не стирая границы между клинической и социальной реальностью [5]. Социальная психоинженерия решает эту проблему через функциональный подход: речь идёт не о «диагнозе общества», а о выявлении дисфункциональных паттернов переработки информации и аффекта, имеющих массовое распространение и системные последствия.

Цифровые алгоритмы радикально изменили условия меметической эволюции. В традиционных обществах распространение культурных единиц ограничивалось каналами образования, религиозных институтов, печати и межличностной коммуникации. В цифровых обществах меметическая селекция всё чаще осуществляется не людьми напрямую, а алгоритмами, оптимизирующими вовлечённость, удержание внимания и интенсивность реакции [6]. Это означает, что мемы начинают отбираться по критериям не истины, не пользы и не культурной ценности, а по критериям аффективной эффективности. Следствием становится усиление поляризации, рост радикализирующих и тревожных мемов и снижение доли сложных, рефлексивных и интегративных смыслов. Для социальной психоинженерии это имеет принципиальное значение: мем в цифровой среде является не просто элементом культуры, а частью кибернетической системы обратных связей между социальной психикой и алгоритмической инфраструктурой.

С инженерной точки зрения мемы могут быть описаны как элементы управления вниманием и поведением. В рамках социальной психоинженерии задача состоит не в том, чтобы «создавать мемы» в маркетинговом смысле, а в том, чтобы понимать меметическую структуру общества и её уязвимости, оценивать последствия распространения определённых единиц содержания и проектировать такие нарративные и меметические контуры, которые способствуют интеграции, снижению травматической фиксации и укреплению субъектности общества. Здесь возникает ключевое различие между социальной психоинженерией и манипулятивными практиками: инженерный подход предполагает научную диагностику, прогнозирование побочных эффектов и этическое ограничение вмешательств, тогда как манипуляция ориенти-

руется на краткосрочный эффект без ответственности за долговременную деформацию социальной психики.

Таким образом, мем в социальной психоинженерии предстает как элементарная единица социальной психики, обеспечивающая микроуровневую динамику нарративов и коллективной идентичности. Он является носителем не только смысла, но и аффекта, а в цифровую эпоху — также объектом алгоритмической селекции. Анализ мемов позволяет диагностировать состояние общества на уровне его повседневных реакций и выявлять те элементы, которые усиливают устойчивость социальной психической системы либо, напротив, вводят её в режим хронической дисфункции. В следующей подглаве будет рассмотрен новый компонент социальной психики цифровых обществ — алгоритм как внешний психический агент, который не только ускоряет меметическую динамику, но и структурирует её в соответствии с собственными, не всегда гуманитарно оправданными целями.

Литература

[1] Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 1976.

[2] Dennett D. Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life. New York, 1995.

[3] Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York, 2011.

[4] Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. London, 1896.

[5] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[6] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[7] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York, 2019.

[8] Castells M. Communication Power. Oxford, 2013.

[9] Boyd D. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. New Haven, 2014.

[10] Новицкий И.Я. Психический статус. Научно-практическое руководство по исследованию психического состояния. М., 2025. – 252 с.

4.5. Алгоритм как внешний психический агент

Переход от индустриального общества к цифровому сопровождался не просто ростом скорости коммуникаций и расширением информационных потоков, но и появлением принципиально нового участника социальной психики — алгоритма, который перестал быть нейтральным инструментом передачи сообщений и стал активным модератором внимания, эмоций и поведенческих выборов. В логике социальной психоинженерии алгоритм необходимо рассматривать как внешний психический агент, то есть как функциональный компонент социальной психической системы, действующий извне индивидуального сознания, но способный систематически вмешиваться в его процессы, изменять вероятности восприятия, закреплять предпочтения, усиливать импульсы и перенастраивать когнитивно-аффективные контуры общества [1]. Это определение принципиально отличается от распространённого технократического понимания алгоритма как набора вычислительных инструкций: здесь акцент переносится на его системную роль в формировании психической реальности цифровых обществ.

Чтобы обосновать такой статус, следует исходить из простой, но методологически значимой посылки: социальная психика существует не только как «сумма сознаний», но как динамическая система, в которой перераспределяются внимание, значения и аффекты. Если в докомпьютерную эпоху основные «внешние агенты» психики были институциональны — школа,

церковь, пресса, государственная пропаганда, массовая культура, — то в цифровую эпоху их место всё более занимает инфраструктура платформ, где алгоритмы ранжирования, рекомендаций и таргетирования выполняют функции селекции и усиления сигналов. Они определяют, что будет замечено, какие события будут восприняты как важные, какие эмоции будут доминировать в коллективной атмосфере и какие интерпретационные схемы станут «нормой» [2]. В результате алгоритм становится не просто посредником, а архитектором вероятностей психического опыта.

Ключевой механизм здесь — управление вниманием. В классической когнитивной психологии внимание рассматривается как ограниченный ресурс, распределение которого определяет и содержание сознания, и структуру памяти, и направление мотивации [3]. Алгоритмы цифровых платформ конструируют поток стимулов таким образом, чтобы удерживать и максимизировать вовлечённость, а это означает, что они систематически вмешиваются в распределение внимания миллионов людей. При этом вмешательство не является случайным: оно оптимизируется по измеримым показателям поведения и закрепляется через обратную связь. Именно поэтому алгоритм в социальной психоинженерии целесообразно трактовать как агент, поскольку он не просто «показывает» контент, а обучается на реакции и изменяет стратегию показа так, чтобы вызывать более сильные и частые психические отклики.

Следующий слой — управление эмоциональной валентностью и аффективными режимами. Для социальной психики особенно важны не отдельные эмоции, а устойчивые коллективные эмоциональные состояния: тревожность, раздражение, возбуждение, моральная паника, чувство угрозы, эйфория победы или депрессивное обессиливание. Алгоритмическая селекция контента в условиях конкуренции за внимание естественным образом «предпочитает» материалы с высокой аффективной интенсивностью, поскольку они статистически чаще вызывают реакцию, обсуждение, повторное возвращение и поляризацию [4]. Системный эффект состоит в том, что общество начинает жить в режиме усиленных аффектов, где сложные смысловые структуры вытесняются быстрыми эмоциональными триггерами. На уровне социальной психопатологии это может проявляться как хроническая дисрегуляция коллективного возбуждения: общество легко переходит в состояния массовой тревоги, вспышек агрессии, подозрительности и моральной мобилизации.

Важно подчеркнуть, что алгоритм действует не «против» человека и не «вместо» человека, а через человека, используя естественные механизмы психики. Он эксплуатирует эвристики, склонность к подтверждению собственных убеждений, социальное сравнение, чувствительность к угрозе и статусу, а также потребность в принадлежности [3]. Именно поэтому алгоритм следует понимать как внешний агент, встроенный в контуры саморегуляции общества: он становится частью тех же механизмов, которые формируют коллективную идентичность, поддерживают нарративы и распространяют мемы. Более того, алгоритм может становиться «посредником идентичности», поскольку он фактически предлагает человеку то символическое окружение, в котором тот узнаёт «своих» и различает «чужих». В результате усиливается сегментация общества и формируются устойчивые информационно-эмоциональные «кластеры», где одни и те же события получают радикально разные интерпретации [5].

Особое место занимает вопрос о субъектности. В предыдущих подглавах социальный субъект был представлен как носитель намерений и действий в социальной реальности. Однако в цифровом обществе субъектность осложняется тем, что значительная часть выборов совершается в заранее сконструированном пространстве возможностей. Алгоритм не отменяет свободу, но задаёт контекст, в котором свобода становится вероятностно направляемой. Это напоминает «мягкое» управление, не через прямой приказ, а через архитектуру среды: изменение порядка предъявления стимулов, снижение видимости одних тем, повышение привлекательности других, создание ощущаемой нормы и «консенсуса» [2]. Для социальной психоинженерии это означает, что анализ общества без анализа алгоритмической среды становится неполным:

психика социума разворачивается не в абстрактном пространстве, а в конкретной инфраструктуре интерфейсов, рекомендаций и метрик.

В этом контексте алгоритм выступает также как агент памяти. Социальная память — не архив фактов, а динамическая система актуализаций: что вспоминается, что забывается, что превращается в травму, что — в миф. Цифровые платформы фиксируют и одновременно постоянно реинсценируют события, возвращая их в поле внимания через годовщины, «воспоминания», подборки и повторные волны обсуждений. Алгоритм способен поддерживать хроническую фиксацию на травматическом материале, переводя социальную травму из режима переработки в режим повторения. В клинической психологии повторение и навязчивое возвращение материала рассматривается как один из механизмов травматического процесса. Перенося этот функциональный принцип на уровень социальной психики, можно говорить о том, что алгоритм способен усиливать коллективные аналоги таких процессов, хотя, разумеется, речь идёт не о прямом «диагнозе», а о системной дисфункции переработки травматического опыта [6].

Связь алгоритма с клинической номенклатурой МКБ-10/11 важна не для медицинализации общества, а для уточнения границ: социальная психоинженерия должна пользоваться клиническими классификациями как источником структурной строгости, но не переносить диагнозы на социум буквально. Тем не менее МКБ-10/11 позволяют концептуально различать уровни нарушений: когнитивные, аффективные, поведенческие, аддиктивные. В цифровой среде алгоритм может способствовать формированию и поддержанию поведенческих паттернов, напоминающих зависимость, поскольку система подкрепления строится на переменном вознаграждении, социальном одобрении и страхе пропустить значимое событие [7]. На индивидуальном уровне это может коррелировать с ростом проблемного использования интернета и сопутствующих аффективных нарушений, а на социальном — с появлением устойчивых зависимых форм коллективного поведения, когда общество становится «подсаженным» на непрерывные циклы возмущения, новостного возбуждения и символических конфликтов.

Далее следует рассмотреть алгоритм как кибернетический элемент обратной связи. В классической кибернетике управление понимается как циркуляция сигналов, их измерение и корректировка поведения системы [1]. Цифровые платформы реализуют именно такой контур: они измеряют реакцию и корректируют предъявление стимулов. Однако отличие от традиционного управления состоит в том, что цель оптимизации часто внешняя по отношению к благу социальной психики: она может быть экономической, политической или организационной. В результате возникают системные искажения: то, что хорошо для метрик вовлечённости, может быть плохо для когнитивной экологии общества, для доверия, для способности к совместному мышлению и для устойчивости идентичности [4]. В этом месте социальная психоинженерия принципиально расходится с чисто технологическим подходом: она требует вводить критерии психического здоровья социума как системы, а не сводить эффективность к количественным показателям реакции.

Особую опасность представляет «алгоритмическая автономизация» смыслов, когда общественные нарративы начинают развиваться по логике платформенной селекции, а не по логике социального опыта и реальных потребностей. Здесь происходит сдвиг онтологического типа: реальность, с которой взаимодействует индивид, становится в значительной мере сконструированной выдачей, а не непосредственным социальным окружением. Это усиливает разрыв между опытом и интерпретацией, создаёт феномены «параллельных общественных миров» и формирует ситуацию, когда согласование реальности становится затруднительным. Для социальной психоинженерии данная проблема является центральной, поскольку дисциплина ориентирована на проектирование общества как психической системы, а проектирование невозможно без общего пространства согласованных смыслов.

Наконец, алгоритм как внешний психический агент требует этического и правового осмысления. Если признать, что алгоритм участвует в формировании внимания, эмоций и поведения, то неизбежно возникает вопрос о границах допустимого вмешательства, об ответственности владельцев инфраструктуры и о правах субъектов на когнитивную автономию. Эта линия будет подробно развернута в разделах, посвящённых этике и праву социальной психоинженерии, однако уже здесь важно отметить: понятие алгоритма как агента не является риторическим приёмом, а служит строгой фиксацией новой реальности, в которой психика общества функционирует в сопряжении с системами машинной селекции и усиления сигналов [2]. Следовательно, социальная диагностика и социальная коррекция в цифровую эпоху должны включать анализ алгоритмических контуров как обязательную компоненту.

Таким образом, алгоритм следует рассматривать как внешний психический агент, поскольку он выполняет функции селекции внимания, усиления аффекта, структурирования идентичности, регуляции социальной памяти и организации обратной связи в масштабе общества. Он встроен в повседневную психическую жизнь социума и способен менять не только содержание массовых коммуникаций, но и форму коллективного мышления. В следующей главе — в разделе аксиоматики — эти выводы будут оформлены в виде исходных положений и законов социальной психоинженерии, которые задают основу для диагностики и проектирования социально-психических процессов.

Литература

[1] Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, 1948.

[2] Gillespie T. Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media. New Haven, 2018.

[3] Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York, 2011.

[4] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York, 2019.

[5] Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York, 2011.

[6] Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge, 2011.

[7] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с.

[8] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с.

[9] Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven, 2017.

[10] Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. — 704 с.

[11] Новицкий И.Я. Психическая система: клинико-диагностическая модель психики как системы. М., 2025. — 318 с.

ГЛАВА 5. Аксиомы и законы социальной психоинженерии

5.1. Аксиома социальной психической системности

Переходя от понятийного аппарата к аксиоматике, социальная психоинженерия вынуждена сделать шаг, который классические гуманитарные дисциплины часто избегали: сформулировать исходное положение, которое не выводится внутри самой дисциплины, но без которого невозможны ни строгая диагностика, ни проектирование социально-психических процессов. Такая исходная формула задаёт «рамку реальности», в пределах которой появляются измеримые, сопоставимые и управляемые объекты. В социальной психоинженерии таким основанием выступает аксиома социальной психической системности, утверждающая, что психика общества существует как реальная системная форма, обладающая собственной структурой, динамикой и законами, не сводимыми к сумме индивидуальных психик и не исчерпываемыми описанием институтов или коммуникаций [1].

Смысл аксиомы состоит не в метафорическом «одухотворении» общества и не в романтической персонификации «коллективного разума». Речь идёт о строго определённом онтологическом тезисе: в человеческих сообществах возникают и воспроизводятся надындивидуальные психические образования — коллективные идентичности, нормы, ценности, травматические следы, эмоциональные режимы, нарративные каркасы, меметические цепочки, а также алгоритмически поддерживаемые контуры внимания. Эти образования обладают относительной устойчивостью во времени, сопротивляются отдельным индивидуальным намерениям и проявляют системные эффекты, которые можно наблюдать, описывать и, в пределах допустимого, регулировать [2]. Если такие образования существуют, то общество следует рассматривать как психическую систему — то есть как целостность, где элементы связаны отношениями, а изменения в одном секторе порождают изменения в других, зачастую нелинейно и с задержкой [1].

Классическая социология во многом действительно опиралась на системные интуиции, однако чаще трактовала систему как институциональный или функциональный порядок, а психическое измерение оставляла на уровне вторичных «мотивов» или «ценностных ориентаций» [3]. Психология, напротив, держалась индивидуального уровня, иногда допуская групповые феномены, но редко строила цельную онтологию социальной психики. Социальная психоинженерия объединяет эти линии и утверждает: социальное и психическое не являются двумя раздельными плоскостями, между которыми требуется перевод; напротив, социальные структуры и процессы имеют психическую ткань, а психические структуры личности формируются в социальных средах и обратно воздействуют на них. Отказ от этой аксиомы приводит либо к редукции психики к «мнениям», либо к редукции общества к «институтам», и в обоих случаях дисциплина становится неспособной к прогнозу и инженерному вмешательству.

Аксиома социальной психической системности делает возможным строгий язык описания. Если общество — психическая система, то оно должно иметь как минимум: носители психических состояний (социальные субъекты и группы), каналы передачи и трансформации психического содержания (коммуникационные среды, символические формы, алгоритмические контуры), механизмы интеграции и координации (нормы, санкции, ритуалы, правовые и моральные регуляторы), механизмы памяти (традиции, архивы, культурные коды, цифровые следы), а также механизмы защиты и дисрегуляции (отрицание, проекция, коллективное расщепление, паника, радикализация). Иначе говоря, социальная психика должна быть описуема как система с функциями — регуляции, адаптации, интеграции, воспроизводства и преобра-

зования смыслов [4]. Подобная постановка вопроса сближает социальную психоинженерию с системной теорией, кибернетикой и теориями сложности, где ключевыми становятся связь, обратная связь, устойчивость, пороги и фазовые переходы [1].

Однако аксиома принципиально требует уточнить границы и исключить ошибочные толкования. Во-первых, социальная психическая система не является «надчеловеческим субъектом» с единой волей; её «состояние» всегда распределено по множеству подсистем, часто конфликтующих. Во-вторых, системность не означает детерминизма: общество остаётся открытой, исторической, контекстной и многослойной системой, где роль случайности и непредсказуемости высока. В-третьих, системность не отменяет индивидуальной психики и клинической реальности, на которую указывают МКБ-10/11; напротив, она требует различать уровни описания и не смешивать классификацию индивидуальных расстройств с характеристиками коллективных процессов [5]. Социальная психоинженерия берёт у клинических классификаций дисциплину различения когнитивного, аффективного и поведенческого уровней, но применяет эту дисциплину к системным состояниям общества, избегая прямой «диагностики социума» в медицинском смысле.

Тем не менее связь с МКБ-10/11 в рамках аксиомы методологически важна. Любая инженерия требует понимания «нормы» и «дисфункции». Клиническая психиатрия показывает, что дисфункции психики проявляются через устойчивые синдромальные комплексы, нарушения адаптации и дистресс, а также через расстройства регуляции поведения и эмоций [5]. На социальном уровне аналогично можно выделять системные дисрегуляции: массовую тревожность как устойчивый аффективный режим, радикализацию как патологизацию границ «свой/чужой», распространение зависимых паттернов поведения в цифровой среде, хроническую травматизацию коллективной памяти. Аксиома социальной психической системности позволяет трактовать такие явления не как «плохие идеи» или «дефекты морали», а как системные состояния, возникающие из взаимодействия среды, институтов, коммуникаций, алгоритмов и психических механизмов людей. Именно здесь появляется возможность научной диагностики — не в смысле ярлыка, а в смысле структурного описания причинно-следственных контуров.

Критический аргумент в пользу аксиомы заключается в наблюдаемости системных эффектов. Если бы социальная психика не имела системной реальности, то крупномасштабные явления — массовые паники, цепные реакции ненависти, лавинообразные моральные мобилизации, синхронное изменение доверия, резкие повороты общественного настроения — должны были бы объясняться исключительно суммой индивидуальных решений или прямым внешним принуждением. Однако эмпирический опыт XX и XXI веков показывает иное: социальные состояния нередко возникают как результат слабых воздействий, которые при определённых условиях приводят к непропорционально сильным последствиям. Это характерно именно для сложных систем, где малое изменение параметров приводит к фазовому переходу [6]. Цифровые среды радикально усилили эти эффекты, поскольку связность общества стала высокой, скорость распространения сигналов — мгновенной, а алгоритмические механизмы усиливают аффективно насыщенные стимулы. Тем самым аксиома получает дополнительное подтверждение: системность социально-психической реальности проявляется в том, что общество ведёт себя как сеть взаимосвязанных подсистем с нелинейной динамикой и обратной связью.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о том, что именно считается «элементами» социальной психической системы. В традиционной психологии элементом выступает индивид, в социологии — актор или институт, в семиотике — знак, в теориях коммуникации — сообщение. Социальная психоинженерия вводит многослойную элементарность: элементами могут быть и социальные субъекты, и нарративы, и мемы, и нормы, и алгоритмические правила селекции внимания, и эмоциональные режимы как устойчивые паттерны. Эта множественность не является эклектикой, если признать, что психическая система общества — это не «вещь», а

сеть отношений между носителями, знаковыми структурами и регуляторными механизмами [4]. В таком понимании нарративы и мемы выполняют роль «содержательных частиц» социальной психики, нормы и институты роль стабилизаторов и ограничителей, а алгоритмы — роль внешних агентов, которые вмешиваются в распределение внимания и тем самым меняют состояние системы.

Принятие аксиомы социальной психической системности имеет прямые последствия для методологии исследования. Во-первых, диагностический язык должен быть системным: измеряются не только индивидуальные установки, но и структура связей, плотность информационных кластеров, устойчивость идентичности, распределение доверия, динамика эмоций и устойчивость травматических нарративов. Во-вторых, причинность должна быть многофакторной и контурной: вместо линейных объяснений «причина-следствие» требуется анализ обратных связей, задержек и порогов. В-третьих, вмешательство должно быть проектным: вместо разрозненных «мер влияния» требуется дизайн среды, правил коммуникации и институтов так, чтобы система могла сохранять устойчивость, перерабатывать травмы и снижать риск разрушительных фазовых переходов [1]. Иными словами, аксиома задаёт научно-инженерную перспективу: общество не просто описывается, а рассматривается как система, в которой можно выявлять параметры, критические точки и управляемые контуры.

Эта аксиома также задаёт этическую рамку. Если социальная психика — реальная система, то вмешательство в неё имеет последствия, сопоставимые по значимости с вмешательством в психику индивида. Следовательно, социальная психоинженерия должна выработать принципы минимального вмешательства, прозрачности, ответственности и уважения субъектности, которые будут развернуты в соответствующих разделах. Но уже на аксиоматическом уровне очевидно: признание системности усиливает ответственность исследователя и инженера, поскольку «ошибки модели» могут приводить к масштабным социальным дисрегуляциям.

Таким образом, аксиома социальной психической системности утверждает, что общество как психическая система существует объективно — в форме устойчивых надындивидуальных психических образований и динамических контуров их взаимодействия; что эти контуры подчиняются системным закономерностям; и что без признания этой системности невозможны ни научная диагностика социальных состояний, ни проектирование эффективных и этически допустимых воздействий. В следующей подглаве, посвящённой закону усиления через цифровые среды, будет показано, каким образом именно цифровая инфраструктура — алгоритмы, интерфейсы, метрики и сетевые эффекты — становится главным фактором, увеличивающим мощность и скорость протекания социальных психических процессов, превращая локальные импульсы в массовые состояния.

Литература

[1] Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, 1948.

[2] Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York, 1982.

[3] Parsons T. The Social System. New York, 1951.

[4] Luhmann N. Social Systems. Stanford, 1995.

[5] Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. New York, 1968.

[6] Morin E. On Complexity. Cresskill, 2008.

5.2. Закон усиления через

цифровые среды

Аксиома социальной психической системности задаёт онтологическую рамку, в которой общество рассматривается как психическая система, обладающая собственными состояниями, регуляторными контурами и динамикой. Однако сама по себе системность ещё не объясняет, почему в XXI веке социально-психические процессы приобрели столь высокую скорость, мощность и способность к лавинообразному развертыванию. Если в индустриальных обществах массовые состояния формировались относительно медленно, требуя институциональных посредников и временной протяженности коммуникации, то цифровая эпоха привнесла фактор, который не просто ускоряет коммуникацию, а качественно меняет режим существования социальной психики. Этот фактор и фиксируется в законе усиления через цифровые среды: при переносе социально-психических процессов в цифровую инфраструктуру их интенсивность, связность, скорость распространения и устойчивость существенно возрастают вследствие особенностей сетевой коммуникации, алгоритмической селекции и цифровых механизмов обратной связи [1].

Важно подчеркнуть: речь идёт не о банальном тезисе «интернет ускоряет новости». Закон относится к более глубокому уровню — к тому, что цифровая среда становится структурным усилителем психических полей общества, подобно тому как усилитель в технике увеличивает мощность сигнала и одновременно меняет спектр искажений. В социальной психоинженерии усиление понимается как увеличение амплитуды психических состояний (аффективных режимов, тревоги, гнева, эйфории, паники), как повышение вероятности резонанса между подсистемами общества, как снижение порога перехода от локального импульса к массовому состоянию и как увеличение длительности постэффектов за счёт цифровой памяти и постоянной воспроизводимости стимулов [2]. Цифровая среда создаёт условия, при которых социальные эмоции становятся не просто реакциями на события, а долгоживущими режимами, закрепляемыми повторением, метриками внимания и алгоритмическим «подкреплением».

Логика закона вытекает из трёх базовых свойств цифровых коммуникаций. Первое — высокая связность и низкая стоимость передачи. Там, где прежние массовые коммуникации предполагали относительно ограниченное число каналов и значительные затраты на распространение, цифровая сеть обеспечивает почти мгновенное масштабирование сигнала, причём сигналом становится не только сообщение, но и эмоциональный маркер: лайк, репост, комментарий, мем, короткий клип, заголовок-триггер. Увеличение связности означает, что индивидуальная реакция перестаёт быть локальной; она превращается в потенциальный узел сетевой диффузии, способный при определённых условиях запускать цепную реакцию, напоминающую эпидемическое распространение, хотя по сути речь идёт о социальном заражении — когнитивном, аффективном и поведенческом [3]. Здесь важен системный момент: усиление не сводится к «большему числу людей», оно означает изменение топологии социальной психики, при котором множество слабых связей формирует высокопроводящую среду для быстрых массовых сдвигов.

Второе свойство — алгоритмическая селекция и оптимизация под метрики вовлечения. В классических СМИ редакционные решения тоже отбирали темы и формы, но в цифровой инфраструктуре отбор становится частично автоматизированным и завязанным на поведенческие данные. Алгоритм, как было показано в подглаве 4.5, выступает внешним психическим агентом: он не обладает сознанием в философском смысле, но осуществляет функционально психоподобную операцию — распределяет внимание, структурирует поле стимулов и тем самым воздействует на состояние субъектов и групп [4]. Усиление возникает потому, что алгоритмы, обученные максимизировать удержание внимания, склонны повышать видимость контента, вызывающего сильные эмоции, конфликты, моральную мобилизацию или тревож-

ное ожидание. Данный механизм согласуется с психологическими закономерностями, включая негативную предвзятость и повышенную значимость угрозы, описанную в когнитивной психологии и клинических исследованиях тревожных состояний [5]. В терминах социальной психоинженерии алгоритм становится устройством, которое систематически смещает социальное внимание к высокоаффективным стимуляторам, тем самым увеличивая амплитуду эмоциональных режимов общества.

Третье свойство — цифровая обратная связь и поведенческое подкрепление. В офлайн-коммуникации обратная связь часто расплывчата и отсрочена: реакция аудитории заметна косвенно и поздно. В цифровой среде обратная связь мгновенна и количественно выражена. Метрики лайков, просмотров, ретеншна и комментариев становятся социальными сигналами статуса и подтверждения, формируя контур оперантного подкрепления, описанный в бихевиористической традиции и расширенный позднейшими теориями социального научения [6]. Именно здесь закон усиления приобретает системную строгость: цифровая среда не просто передаёт эмоциональные сигналы, она превращает их в самоподкрепляющиеся петли, где производитель и потребитель контента оказываются включены в общий контур усиления. Чем сильнее эмоция — тем выше вовлечённость; чем выше вовлечённость — тем больше показ; чем больше показ — тем шире заражение; чем шире заражение — тем выше социальное давление и вероятность радикализации позиций. Это не моральная оценка, а описание динамики сложной системы с положительной обратной связью [1].

Закон усиления через цифровые среды особенно заметен в феноменах, которые в классической социальной психологии фиксировались как групповые эффекты, но теперь приобрели массовую и трансграничную форму. Эмоциональное заражение, конформизм, поляризация, эффект «эхо-камер» и групповая радикализация в цифровой среде усиливаются, поскольку сеть делает доступным постоянное подтверждение своей позиции и одновременно снижает вероятность корректирующего контакта с «другим» [7]. При этом следует избегать упрощения, будто цифровая среда неизбежно приводит к радикализации; закон формулируется иначе: цифровая инфраструктура повышает коэффициент усиления любых процессов, имеющих форму сетевой диффузии и подкрепления, будь то конструктивные мобилизации (например, солидарность при катастрофах) или деструктивные (например, панические слухи). Инженерный смысл закона состоит в том, что цифровая среда — это универсальный усилитель, а направление усиления определяется параметрами исходного сигнала и конфигурацией контуров обратной связи.

Системный аспект закона раскрывается через понятие порога. Любая социальная психическая система имеет пороги устойчивости: параметры, при которых она либо поглощает возмущение и возвращается к равновесию, либо входит в новый режим — кризисный, панический, мобилизационный или депрессивный. Теории нелинейной динамики и сложности показывают, что в сетях с высокой связностью пороги могут существенно снижаться: малое возмущение становится достаточным, если оно попадает в критическую конфигурацию связей [8]. Цифровая среда как раз и изменяет конфигурацию: увеличивает число потенциальных путей распространения, ускоряет передачу и добавляет алгоритмическое усиление. Поэтому там, где раньше требовались значительные ресурсы (институциональная поддержка, контроль СМИ, физическая мобилизация), теперь может оказаться достаточным локальный импульс — короткий видеоролик, меметический образ, эмоционально насыщенный нарратив. Важно, что это не отменяет роли государств и корпораций, но меняет характер их влияния: оно становится более тонким, сетевым, а иногда и непредсказуемым для самих субъектов управления.

Закон усиления необходимо рассмотреть и в связи с феноменом цифровой памяти. В подглаве 3.3 анализировались время, память и травма социума как основания социальной психики. Цифровая инфраструктура радикально меняет режим памяти: событие не уходит в прошлое, оно остаётся доступным, воспроизводимым, индексируемым, повторяемым, а потому

способно многократно актуализироваться и возвращать систему к прежним аффективным режимам. Психотравматические следы индивида в клинической психиатрии характеризуются навязчивыми воспоминаниями, триггерами, повторным переживанием, избеганием и гипервозбудимостью; эти механизмы описаны в клинических подходах и отражены в диагностических системах МКБ-10/11, где травматические расстройства рассматриваются как нарушения переработки и интеграции опыта [9]. На социальном уровне цифровая память формирует аналогичный контур: коллективная травма получает техническую инфраструктуру повторного предъявления, причём предъявление становится массовым и синхронным. Это не означает механического переноса клинических диагнозов на общество; однако закон усиления фиксирует, что цифровая среда создаёт условия для хронической ретравматизации коллективных групп и для длительного удержания общества в состоянии тревожного ожидания или мобилизационного напряжения.

Существенным элементом усиления является и изменение антропологии повседневности. В цифровой среде внимание становится постоянно захватываемым, а психическая нагрузка распределяется иначе: возникает непрерывный поток стимулов, в котором сменяются угрозы, возмущения, моральные призывы и «фальшивые тревоги». Для индивида это означает повышение вероятности тревожных и депрессивных реакций, нарушения сна, утомления и раздражительности; клинически это может быть сопряжено с широким спектром состояний — от расстройств адаптации до тревожных и депрессивных расстройств, как они представлены в МКБ-10/11 [9]. Для общества это означает изменение среднего «аффективного фона» и снижение устойчивости к стрессорам: система оказывается ближе к критическим порогам, а потому сильнее реагирует на события. Закон усиления, таким образом, связывает микроуровень психофизиологической уязвимости и макроуровень социальных переходов через идею накопления напряжения в сети.

Особого внимания требует вопрос об асимметрии усиления. Усилитель в технике обычно усиливает сигнал определённого спектра, а другие компоненты подавляет или искажает. Цифровая среда также усиливает не всё одинаково. Она преимущественно усиливает то, что удовлетворяет условиям высокой тиражируемости: простота, образность, эмоциональная насыщенность, возможность идентификационного присвоения, пригодность для коротких форматов и меметической трансформации. Сложные, многоаспектные, требующие контекста сообщения оказываются менее конкурентоспособными в борьбе за внимание. Отсюда следует важный вывод для социальной психоинженерии: цифровая среда структурно смещает социальную психику в сторону ускоренных и упрощённых форм смыслообразования, что повышает риск когнитивной деградации, моральной паники и радикализации. При этом этот риск не является неизбежностью; он является функцией дизайна платформ, норм модерации, культурных практик и образовательных механизмов. Закон усиления описывает тенденцию, но не отменяет инженерной возможности изменить коэффициенты усиления через изменение архитектуры среды.

На уровне социальных подсистем закон проявляется различно. Для микрогрупп цифровая среда создаёт эффект постоянной совместной «психической комнаты», где группа живёт в непрерывном обмене сигналами и может быстро переходить к мобилизации или к распаду. Для макрогрупп и общества в целом возникает феномен параллельных реальностей: разные кластеры получают разные информационные потоки, что снижает общий уровень когнитивного согласования и повышает вероятность конфликтов интерпретации. Здесь формируется новая задача социальной психоинженерии: не просто анализировать содержание сообщений, а диагностировать структуру информационного поля и его аффективную динамику. В терминах системной теории речь идёт о снижении интеграции и росте фрагментации, а также о росте автономности подсистем, каждая из которых живёт в собственном режиме обратной связи [10].

Следовательно, закон усиления через цифровые среды имеет двойной методологический статус. С одной стороны, это эмпирически наблюдаемая закономерность современности: цифровая инфраструктура увеличивает мощность психических процессов общества. С другой стороны, это инженерный принцип: любой проект вмешательства, профилактики или коррекции должен учитывать, что цифровая среда выступает мультипликатором. Практический вывод здесь строг: меры, которые в офлайн-контексте дают умеренный эффект, в цифровом могут вызвать непредвиденную эскалацию; и наоборот, локальные инициативы могут масштабироваться до общесоциального уровня при правильной настройке контуров распространения и обратной связи. Таким образом, закон усиления является ключом к пониманию того, почему управление социально-психическими процессами в цифровую эпоху одновременно стало более возможным технически и более рискованным этически.

В непосредственной связи с законом усиления стоит следующий закон — закон нелинейных эффектов. Если цифровая среда выступает усилителем, то нелинейность описывает режимы, в которых усиление перестаёт быть пропорциональным: малый импульс порождает крупный сдвиг, а крупный импульс может «поглотиться» системой без заметного результата. Поэтому в подглаве 5.3 будет проведена системная артикуляция нелинейности как фундаментального свойства социальной психики в цифровой инфраструктуре, а также будет показано, почему попытки линейного «управления обществом» неизбежно воспроизводят ошибки XX века на новом технологическом уровне.

Литература

[1] Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, 1948. — 212 p.

[2] Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford, 2010. — 656 p.

[3] Rogers E. M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York, 2003. — 576 p.

[4] Gillespie T. Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media. New Haven, 2018. — 344 p.

[5] Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York, 2011. — 499 p.

[6] Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, 1977. — 247 p.

[7] Sunstein C. R. #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton, 2017. — 352 p.

[8] Barabási A.-L. Network Science. Cambridge, 2016. — 473 p.

[9] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с. — 1243 p.

[10] Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. — 704 с.

5.3. Закон нелинейных эффектов

Если закон усиления через цифровые среды описывает рост мощности социальных сигналов при их переносе в сетевую инфраструктуру, то закон нелинейных эффектов фиксирует более фундаментальное обстоятельство: усиление не происходит пропорционально, «по прямой». В социальной психике — особенно в цифровых обществах — связь между причиной и следствием редко бывает линейной. Малое воздействие может оказаться безрезультатным, а может вызвать системный срыв; крупное воздействие может дать кратковременный эффект и быстро затухнуть, а может запустить длительный режим саморазвития. Иными словами, социальная психика как система демонстрирует характерные для сложных нелинейных систем свойства: пороговость, фазовые переходы, чувствительность к начальным условиям, множе-

ственность устойчивых состояний и непредсказуемость в деталях при относительной закономерности в типах динамики [1].

В классической гуманитарной традиции нелинейность нередко описывалась метафорически: «история не повторяется», «общество непредсказуемо», «массы иррациональны». Социальная психоинженерия стремится заменить метафору операциональной моделью. Нелинейность здесь понимается как свойство системы, в которой результат воздействия зависит не только от величины воздействия, но и от конфигурации связей, текущего состояния поля, наличия обратных связей и распределения ресурсов внимания. Это означает, что проектирование вмешательств в социальную психику не может опираться на интуитивную пропорциональность («сделаем больше — получим больше»). Наоборот, в цифровой среде «больше» может быть опаснее, потому что позитивные обратные связи и сетевые каскады способны многократно увеличить эффект, выводя систему за пределы желаемого режима [2].

Онтологическим основанием закона является аксиома системности: общество как психическая система обладает внутренними состояниями и регуляторными контурами. Именно наличие устойчивых состояний (аттракторов) и переходов между ними делает возможной нелинейную динамику. В социально-психическом поле можно выделить режимы относительной стабильности: например, «низкоаффективный повседневный фон», «мобилизационное возбуждение», «паническая тревога», «циничная апатия», «поляризационный конфликт». Эти режимы различаются не только интенсивностью эмоций, но и структурой интерпретаций, распределением доверия, готовностью к действию, восприимчивостью к слухам и степенью когнитивной закрытости. Переходы между режимами не являются плавным «ползущим» процессом; чаще они напоминают фазовые скачки, когда система, накопив напряжение, перескакивает в иной режим при сравнительно небольшом внешнем импульсе [3].

Ключевым элементом нелинейности является порог. Порог в социальной психике — это значение параметра (тревоги, морального возмущения, доверия/недоверия, воспринимаемой угрозы), после которого качественно меняется характер реакции. До порога коллектив может оставаться пассивным и «наблюдающим», после порога — переходит к мобилизации, протесту, панике или, напротив, к распаду и взаимной враждебности. Порог не фиксирован; он зависит от предыдущих травм, от хронической усталости, от социального неравенства, от фона неопределённости, от действий институтов и от информационной среды. Здесь проявляется связь с подглавой 3.3: время и память социума формируют латентные накопления, которые изменяют чувствительность системы к новым событиям. Цифровая память усиливает этот эффект, поддерживая повторную актуализацию травматических и мобилизационных сюжетов [4].

Нелинейность в цифровых обществах приобретает особую силу из-за структуры сети. Теория сетей показывает, что в распределённых системах с неоднородной связностью существуют узлы и кластеры, через которые воздействие может распространяться непропорционально быстро. Даже если исходный импульс мал, попадание в «центральный» узел или в резонансный кластер создаёт каскад. При этом каскад не обязательно отражает истинную значимость события; он отражает согласование формы события с логикой сети и алгоритмической селекцией. Это означает, что социальная значимость и информационная заметность могут расходиться: малое событие становится гигантским социальным фактом, а крупное — остаётся локальным, если не получает сетевого резонанса. Подобные эффекты описывались в исследованиях каскадов информации и коллективных динамик в сетевых структурах [5].

Чтобы закон нелинейных эффектов был пригоден для инженерии, его необходимо сформулировать как правило диагностики и проектирования. В социальной психоинженерии закон может быть представлен следующим образом: эффект социально-психического воздействия является функцией не только силы сигнала, но и текущего состояния системы, её сетевой конфигурации и характеристик обратных связей; при приближении к критическим порогам малые воздействия способны вызывать диспропорционально большие изменения состояния [1]. В

этой формулировке важны два момента. Во-первых, подчёркивается зависимость от состояния: одно и то же сообщение, мем или нарратив в разные периоды может иметь противоположный эффект. Во-вторых, вводится идея критических порогов: социальная система может быть в «далёком» от критичности режиме (эффекты слабые и затухающие) или в «близком» к критичности режиме (эффекты каскадируют).

Нелинейность проявляется также через феномен множественности устойчивых состояний. В психиатрии хорошо известна клиническая ситуация, когда после некоторого порога симптоматики у пациента меняется качество состояния: например, тревога превращается в паническое расстройство, депрессивный фон — в тяжёлую депрессию с суицидальным риском, подозрительность — в бредовую систему. МКБ-10/11 фиксируют эти различия как диагностические категории, подчёркивая качественные изменения в организации симптомов и их влиянии на функционирование [6]. Аналогия не должна превращаться в прямой перенос диагнозов на общество, но она полезна как системное указание: социальная психика, как и индивидуальная, имеет режимы, которые различаются не количественно, а структурно. В одном режиме общество способно к интеграции разногласий, в другом — строит мировоззрение по принципу «друг–враг», где любая информация интерпретируется как подтверждение заранее принятой схемы. В третьем режиме доминирует апатия и цинизм, и даже сильные сигналы не приводят к действию. Это и есть множественность аттракторов, характерная для нелинейной динамики [7].

Особый класс нелинейных эффектов связан с позитивной обратной связью и самоподдержанием. В цифровой среде, как показано в подглаве 5.2, эмоционально насыщенный контент чаще получает подкрепление метриками вовлечённости, а значит — больше показов. В результате возникает контур, где рост эмоции повышает видимость и видимость повышает рост эмоции. Нелинейность здесь заключается в том, что до определённого уровня контур может быть слабым и не приводить к массовому сдвигу, но после пересечения порога — становится самодвижущимся. Это напоминает переход от локального возбуждения к генерации устойчивых колебаний в физике или к эпидемическому порогу в эпидемиологии, где значение коэффициента распространения определяет, затухает ли вспышка или развивается в эпидемию [8]. Социальная психоинженерия использует эти аналогии не как украшение, а как модель: задача диагностики — определить, приближается ли общество к «эпидемическому порогу» для того или иного нарратива или аффекта.

Нелинейность проявляется не только в направлении эскалации, но и в направлении подавления. Попытки грубого контроля, цензуры, силового подавления или морализаторского давления могут вызывать эффект, противоположный ожидаемому. В социальной психологии подобные явления описываются как реактивность, эффект обратного действия, «эффект Стрейзанд» в сетевой культуре, а также как динамика групповой идентичности при внешней угрозе. Чем сильнее воспринимается внешнее давление, тем больше консолидация группы вокруг символа сопротивления, тем выше моральная мобилизация, тем быстрее распространяется запрещённый контент в альтернативных каналах. Это типичный нелинейный эффект: увеличение усилия контроля не уменьшает эффект, а усиливает его через изменение интерпретационной рамки и через рост символического капитала «запретного» [9]. Следовательно, для социальной психоинженерии принципиально важно различать ситуации, где линейные меры работают (например, снижение доступа к конкретному вредоносному инструменту), и ситуации, где они запускают нелинейную компенсацию, усиливающую проблему.

Ещё одна форма нелинейности — задержки и накопления. В системах с задержками эффект может проявляться не сразу, а после периода латентного накопления. В обществе это соответствует феномену «тихого нарастания» напряжения, которое долго не проявляется в событиях, но формирует предпосылки для резкого перелома. Цифровая среда делает этот процесс менее заметным для традиционных индикаторов, потому что внешняя активность может

быть «шумом», маскирующим глубокие сдвиги доверия, идентичности и моральных оценок. В то же время цифровые данные могут дать новые индикаторы латентного накопления — изменения в тональности, в структуре сети, в поляризации кластеров, в повторяемости травматических сюжетов. Однако сама возможность измерения не устраняет нелинейность; она лишь повышает шанс диагностировать приближение к порогу [10].

Для социальной психоинженерии закон нелинейных эффектов имеет прямые последствия для методологии. Во-первых, он требует отказа от упрощённой модели «стимул → реакция» в пользу модели «стимул → реакция в контексте состояния системы». Это означает, что любое воздействие должно проектироваться вместе с оценкой базового состояния: уровня тревоги, доверия к институтам, степени фрагментации идентичностей, наличия текущих конфликтов и памяти травмы. Во-вторых, закон требует использования сценарного мышления: не один прогноз, а несколько режимов динамики, соответствующих разным пороговым сценариям. В-третьих, он требует принципа минимального вмешательства и осторожности: вблизи критических порогов даже «благие» вмешательства могут давать непредсказуемые и трудно обратимые последствия. Эти выводы заранее связывают главу 5 с будущими разделами об этике и праве (Отдел VI), где будет обсуждаться ответственность психоинженера и границы допустимого.

Наконец, закон нелинейных эффектов необходимо связать с идеей проектирования социального воздействия. Инженерия в строгом смысле возможна там, где существуют регулируемые параметры и понятные контуры обратной связи. Нелинейность не отменяет инженерии, но делает её иной: вместо «управления» в лоб возникает задача настройки условий, при которых система сама стабилизируется в предпочтительных режимах. Это ближе к кибернетике и теории управления сложными системами, где цель — не детально предписать траекторию, а сформировать устойчивые регуляторные контуры и ограничить опасные зоны параметров [1]. В социальной психоинженерии такими условиями могут быть: архитектура платформ, дизайн рекомендаций, механизмы верификации, культурные нормы диалога, образовательные практики, системы предупреждения паник и механизм коллективной переработки травм. Но любое из этих условий должно проектироваться с учётом нелинейности: малое изменение архитектуры может резко изменить динамику, а крупное — дать слабый эффект, если система компенсирует его через альтернативные каналы.

Тем самым закон нелинейных эффектов завершает связку законов, объясняющих специфику цифровых обществ: усиление создаёт мощность, нелинейность — делает её непредсказуемой и пороговой. Следующий закон — закон обратной связи и искажения — уточняет, каким образом контуры обратной связи в цифровой среде не только стабилизируют или усиливают процессы, но и систематически искажают картину реальности для участников, создавая ошибки управления, самообмана и ложные коррекции.

Литература

[1] Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, 1948. — 212 p.

[2] Meadows D. H. Thinking in Systems: A Primer. White River Junction, 2008. — 240 p.

[3] Prigogine I., Stengers I. Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. New York, 1984. — 349 p.

[4] Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Cambridge, 2012. — 224 p.

[5] Watts D. J. Six Degrees: The Science of a Connected Age. New York, 2003. — 368 p.

[6] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с. — 1243 p.

[7] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с. — (online ed.).

[8] Schelling T. C. Micromotives and Macrobehavior. New York, 1978. — 252 p.

[9] Sunstein C. R. #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton, 2017. — 352 p.

[10] Barabási A.-L. Network Science. Cambridge, 2016. — 473 p.

5.4. Закон обратной связи и искажения

В классической кибернетике обратная связь рассматривается как универсальный механизм управления и саморегуляции: система сопоставляет текущее состояние с целевым, измеряет отклонение и производит корректирующее действие [1]. На уровне индивидуальной психики обратная связь присутствует в виде непрерывного мониторинга среды и тела, сопоставления ожиданий с результатами, коррекции поведения и смыслов; в клинической перспективе нарушения обратной связи и механизмов коррекции обнаруживаются при самых разных психических расстройствах, где изменяется чувствительность к подкреплению, нарушается критика к переживаниям, искажаются оценка угроз и интерпретация сигналов [2]. Социальная психоинженерия, опираясь на аксиому социальной психической системности, переносит этот принцип в пространство общества как психической системы и фиксирует следующее: социальная психика саморегулируется через многочисленные контуры обратной связи, однако в цифровую эпоху сами каналы обратной связи становятся источником систематических искажений. Именно это и формулируется как закон обратной связи и искажения: чем интенсивнее и технологически опосредованнее обратные связи в социально-психической системе, тем выше вероятность, что система будет корректировать себя по искажённым сигналам, усиливая ошибки, поляризацию и патологические режимы функционирования [1].

Онтологически этот закон продолжает линию, начатую в предыдущих подглавах. Закон усиления через цифровые среды показывает, что сигналы приобретают масштаб и скорость; закон нелинейных эффектов объясняет пороговые скачки и каскады. Теперь становится необходимым уточнить: каскады и усиление не являются «естественным отражением реальности», потому что в цифровых обществах измерение и предъявление социальной реальности происходит через интерфейсы, метрики и алгоритмы, которые одновременно являются и датчиками, и преобразователями, и активными агентами. В таких условиях обратная связь перестаёт быть нейтральной. Она становится не просто каналом «сообщения о том, что происходит», а механизмом конструирования того, что будет считаться происходящим. Это фундаментальный сдвиг от общества как «наблюдаемого» к обществу как «измеряемого и подстраиваемого под измерение» [3].

Чтобы закон имел строгий смысл, необходимо различить по крайней мере два слоя обратной связи в социально-психической системе. Первый слой — естественные человеческие обратные связи: одобрение и неодобрение, репутация, доверие, нормы, санкции, традиция, институциональная ответственность, публичная дискуссия. Второй слой — цифровые обратные связи: рейтинги, лайки, шеры, просмотры, тренды, рекомендательные системы, метрики вовлечённости, показатели «успешности» контента, количественные KPI в политике, медиа и корпоративном управлении. Вне цифровой эпохи количественные индикаторы существовали, но не определяли повседневную ткань социального восприятия с такой плотностью и мгновен-

ностью. В цифровой среде индикатор становится почти непрерывным и, что важнее, «видимым всем», превращаясь в общественный сигнал второго порядка: люди реагируют не только на событие, но и на показатели реакции других людей, которые предъявляет платформа. Возникает рефлексивный контур, где реакция на реакцию ускоряет динамику и усиливает зависимость от искажённых измерений [4].

Искажение возникает по нескольким взаимосвязанным причинам, и все они имеют системный характер. Во-первых, любой датчик измеряет лишь часть реальности и вводит селективность. Метрики вовлечённости измеряют внимание, но не измеряют понимание; измеряют возбуждение, но не измеряют мудрость; измеряют краткосрочную реакцию, но не измеряют долгосрочный эффект. Во-вторых, если метрика становится целью, она перестаёт быть адекватным измерением. В социальных науках это описывается как закономерность, известная в разных формулировках: когда показатель превращается в объект управления, он начинает искажаться под давление системы, а поведение агентов адаптируется к максимизации показателя, а не к достижению смысловой цели [5]. В цифровой среде эта закономерность приобретает исключительную мощь, потому что показатели не просто измеряют, но и автоматически усиливают то, что лучше «производит показатель», формируя контур самоусиления: контент, который вызывает сильную реакцию, получает больше показов; больше показов производит ещё больше реакций; это закрепляет доминирование определённых эмоциональных и смысловых форм [6].

В результате социальная психика начинает обучаться на искажённом подкреплении. Это состояние имеет очевидную клиническую аналогию: в индивидуальной психике зависимость формируется тогда, когда система подкрепления «подсаживается» на быстрые и сильные стимулы, постепенно вытесняя более сложные и отсроченные виды удовлетворения. В МКБ-10/11 зависимость описывается как расстройство контроля, характеризующееся приоритетом поведения над другими жизненными интересами и продолжением поведения несмотря на вредные последствия [2]. На уровне социума аналогия не должна превращаться в прямую диагностику, но механизм важен: если общественные контуры подкрепления систематически поощряют краткосрочную эмоциональную разрядку, конфликт и упрощение, то социальная психика смещается в режим «быстрого подкрепления», где падает способность к сложной аргументации, к отсрочке реакции, к выдерживанию неопределённости. Искажение обратной связи становится структурным фактором деградации коллективного мышления, а не просто «ошибкой отдельных пользователей» [7].

В-третьих, цифровая обратная связь не только селективна, но и асимметрична. В ней неодинаково представлены группы, позиции и стили речи; на неё влияют боты, организованные кампании, экономические стимулы платформ, алгоритмическая оптимизация под удержание внимания. Это создаёт феномен ложной репрезентативности: система предъявляет картину «мнений общества», которая может быть статистически искажена и структурно поляризована. Люди, ориентируясь на эту картину, корректируют свои убеждения и поведение, усиливая именно те сдвиги, которые были порождены ошибкой измерения. Так возникает контур самореализующегося искажения: платформа показывает «общественный настрой»; общество адаптируется к показанному настрою; показанный настрой становится более реальным, чем исходная реальность [8].

В-четвёртых, в цифровую эпоху обратная связь часто имеет характер задержки и «пакетной коррекции». Платформы и институты реагируют на уже сформировавшиеся волны; официальные сообщения, меры регулирования, общественные кампании вступают в силу тогда, когда система уже перешла порог и вошла в другой режим. В теории управления известно, что задержки в обратной связи способны вызывать колебания, перерегулирование и нестабильность [9]. На уровне социальной психики это проявляется как чередование паники и апатии, мобилизации и разочарования, резких поворотов общественного мнения. Важно подчеркнуть,

что источником колебаний становится не только «непостоянство масс», но и структурная проблема: контуры управления работают по запаздывающим и искажённым индикаторам, что приводит к систематическим ошибкам коррекции.

Особое место в законе обратной связи и искажения занимает феномен, который можно назвать «алгоритмической обратной связью второго порядка». В традиционной социальной системе обратная связь возникала через интерпретацию событий и их обсуждение. В цифровой системе появляется дополнительный слой: алгоритм не просто доставляет информацию, он формирует вероятностное поле видимости — определяет, что будет замечено, кем будет замечено и с какой эмоциональной окраской. Алгоритм, оптимизированный под удержание внимания, фактически становится компонентом социально-психического регулятора, но регулятора со специфической функцией цели: не истина, не согласие, не устойчивость общества, а показатели вовлечённости и времени потребления. В этом смысле алгоритм, о котором говорилось в подглаве 4.5 как о внешнем психическом агенте, здесь раскрывается как агент, встроенный в контуры обратной связи и потому способный систематически смещать траекторию общества [6].

Отсюда следует критически важный вывод: социальная психоинженерия не может рассматривать «обратную связь» как автоматически благой механизм демократизации или самоисправления общества. В цифровых обществах обратная связь часто деградирует в форму шумового усиления, где важнее не смысл, а резонанс. В таком режиме система теряет способность к корректировке по реальности и корректируется по «метрической тени» реальности. Подобная потеря коррекции напоминает клинический феномен утраты критики и реальности-тестирования, где внутренние конструкции субъекта становятся более значимыми, чем внешние факты. В МКБ-10/11 нарушения реальности-тестирования и критики входят в структуру психотических расстройств, где убеждения и интерпретации приобретают автономность и устойчивость к опровержению [2]. На уровне общества это может проявляться как коллективное удержание ошибочных убеждений, устойчивость фейковых нарративов, превращение дискуссии в войну идентичностей, где факты оцениваются не по истинности, а по принадлежности к лагерю [10].

Однако закон обратной связи и искажения имеет не только диагностический, но и инженерный смысл. Если принять, что искажение обратной связи структурно неизбежно, то задача социальной психоинженерии — не мечтать о «чистой обратной связи», а проектировать такие контуры, которые делают искажение управляемым и ограниченным, а также создают механизмы демпфирования и проверки реальностью. Это предполагает, что социальная диагностика (Глава 8) должна включать оценку качества обратной связи: насколько индикаторы репрезентативны, насколько метрики стимулируют патологические режимы, каковы задержки реакции институтов, где возникают «петли усиления» и где отсутствуют «петли стабилизации». Аналогия с медициной здесь уместна: врач оценивает не только симптом, но и механизмы регуляции — дыхание, кровообращение, нейрогуморальный контроль. Социальный психоинженер должен оценивать не только содержание нарративов, но и регуляторную архитектуру общества.

В практической плоскости закон объясняет, почему многие попытки «лечить общество информацией» оказываются неэффективными. Если система обратной связи искажена, то даже корректное сообщение может быть включено в патологический контур: оно будет интерпретировано как «пропаганда», станет объектом насмешки, вызовет реактивность или будет вытеснено более эмоциональным контентом. Следовательно, эффективность воздействия определяется не только качеством текста, но и тем, через какие каналы он проходит и какие метрики усиливают или подавляют его. Это напрямую связывает подглаву 5.4 с будущей главой о проектировании социального воздействия (Глава 9): проектировать нужно не «сообщение само по себе», а сообщение вместе с контуром обратной связи, включая способы про-

верки, механизмы ответственности, ограничители каскадов и элементы коллективного охлаждения. Иначе говоря, объектом инженерии становится не только контент, но и регуляторная среда.

Наконец, закон обратной связи и искажения имеет выраженное этическое измерение, которое будет подробно обсуждаться в Отделе VI. Любое вмешательство, меняющее контуры обратной связи, потенциально меняет свободу субъекта, структуру публичности и распределение власти. Более того, изменение обратной связи может быть незаметным для участников, что делает его особенно рискованным с точки зрения согласия и ответственности. Поэтому социальная психоинженерия, если претендует на научную дисциплину, должна заранее включать принципиальное различение: стабилизирующие контуры, направленные на снижение вреда и повышение качества общественного мышления, и манипулятивные контуры, направленные на подчинение общества целям внешнего агента. Закон обратной связи и искажения описывает техническую возможность обоих вариантов, но нормативная оценка и границы допустимого должны быть сформулированы отдельно, чтобы дисциплина не стала легитимацией насилия над социальной психикой.

В итоге закон можно представить как одну из центральных опор социальной психоинженерии. Он показывает, почему цифровые общества не просто «быстрее» и «громче», чем общества прошлого, а качественно иные: в них измерение становится механизмом формирования реальности; обратная связь превращается в конструктор режимов массового сознания; а искажение метрик порождает системные ошибки коррекции. Следующий закон — закон психической инерции общества — добавит к этому картину: даже при наличии сильных сигналов и мощных обратных связей общество часто демонстрирует сопротивление изменениям, потому что память, идентичность и институциональные привычки создают вязкость социально-психической динамики.

Литература

[1] Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge, 1948. — 212 p.

[2] МКБ-10: Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике. - СПб.: «Адис», 1994. 304 с. — 1243 p.

[3] МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга». 2021. 432с. — (online ed.).

[4] Luhmann N. Social Systems. Stanford, 1995. — 627 p.

[5] Campbell D. T. Assessing the Impact of Planned Social Change. Evaluation and Program Planning. New York, 1979. — 268 p.

[6] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York, 2019. — 704 p.

[7] Sunstein C. R. #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton, 2017. — 352 p.

[8] Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York, 1968. — 702 p.

[9] Meadows D. H. Thinking in Systems: A Primer. White River Junction, 2008. — 240 p.

[10] Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York, 2011. — 499 p.

[11] Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. — 704 с.

[12] Новицкий И.Я. Психическая система: клинико-диагностическая модель психики как системы. М., 2025. — 318 с.

5.5. Закон психической инерции общества

Если предыдущие законы описывали, каким образом цифровые среды ускоряют и усиливают социально-психические процессы и почему обратная связь всё чаще оказывается искажённой, то заключительный закон главы вводит противоположный по направлению, но не менее фундаментальный принцип. Практика наблюдения массовых процессов демонстрирует парадокс: при огромной скорости коммуникации и мгновенном распространении сигналов общество в целом нередко сохраняет устойчивые установки, страхи, предубеждения и формы поведения десятилетиями, иногда веками, и лишь внешне «перекрашивает» их под новые идеологические или технологические оболочки. Это означает, что ускорение информационных потоков не эквивалентно ускорению психической трансформации социума. Социальная психоинженерия формулирует данный факт как закон психической инерции общества: социально-психическая система обладает собственной «массой» — совокупностью устойчивых структур памяти, идентичности, институтов и привычек восприятия, — благодаря чему она сопротивляется изменению траектории даже при сильных воздействиях; при этом попытки резкого изменения часто приводят не к устойчивой перестройке, а к колебаниям, откатам, защитным реакциям и реконструкции прежних форм в новых символических оболочках [1].

Термин «инерция» здесь используется не метафорически, а строго системно. В теории управления устойчивость и инерционность связаны с наличием накопителей и задержек, а также с тем, что динамика определяется не только текущим входом, но и внутренними состояниями системы [2]. Общество как психическая система обладает множеством таких накопителей: коллективная память и историческая травма, культурные архетипы и нормы, языковые и образовательные матрицы, правовые и политические институты, экономические интересы, распределение статусов и ресурсов. Эти накопители — не внешний фон, а элементы самой социальной психики, описанной в Главе 2. Они задают параметры того, что может быть воспринято как допустимое, истинное, опасное, достойное, а что вызывает отторжение. Социальный субъект, коллективная идентичность, нарратив и мем, введённые в Главе 4, выступают здесь как «носители инерции»: именно через них прошлое удерживает настоящее, а настоящее проектирует будущее [3].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.